ЛИТЕРАТУРНАЯ ROSSICA БАШКОРТОСТАНА В XXI ВЕКЕ:

РОМАН П. А. ХРАМОВА «ИНОК»

Уфа-2016

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования
«Башкирский государственный педагогический университет им. М.Акмуллы»
Кафедра русской литературы

ЛИТЕРАТУРНАЯ ROSSICA БАШКОРТОСТАНА В XXI ВЕКЕ: РОМАН П. А. ХРАМОВА «ИНОК»

Уфа – 2016

УДК 821
ББК 83.3
Л47

Литературная Rossica Башкортостана в XXI веке: роман П.А. Храмова «Инок» / отв. редактор и составитель: д.ф.н., проф. В.В. Борисова; Башк. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы, кафедра русской литературы. – Уфа: «Печатный домъ», 2016. – 84 с.

Коллективная монография посвящена жизни и творчеству уфимского писателя 2-й половины XX века П.А. Храмова и может быть полезна преподавателям, студентам, учителям и учащимся.

Издание подготовлено при финансовой поддержке РГНФ и АН Республики Башкортостан в рамках научного проекта № 15-14-02001 «Современная русскоязычная литература Башкортостана: региональные и типологические аспекты изучения».

Рецензенты:
кафедра русской литературы БашГУ;
Федоров П.И., зав. информационно-библиографическим отделом БГПУ им.М.Акмуллы.

ISBN 978-5-87978-844-0 © «Печатный домъ», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 3
I. Роман "Инок": творческая история, судьба, проблематика, поэтика
Федоров П.И. Хрустальный крест……8
Борисова В.В. "Возвращенное" произведение уфимской литературы……23
Прокофьева И.О. Исповедально-биографический роман П.А. Храмова "Инок"……34
II. Образы романа "Инок"
Алмашева Д.С. Образ Маши Мироновой – героини романа П.А. Храмова "Инок"……47
Пирогова А.С. Образ матери в романе П.А. Храмова "Инок"…..53
III. Роман "Инок" в школе и вузе
Борисова В.В. Роман П.А. Храмова "Инок": опыт изучения в школе и вузе……...59
Глухова Т.В. Роман Петра Храмова "Инок" как источник аргументов для экзаменационного сочинения ……..67
Федорова Л.Н. Урок литературы в 11 классе по творчеству П.А. Храмова……..74
IV. Библиография жизни и творчества П.А. Храмова……...78

ОТ РЕДАКТОРА

В предлагаемой коллективной монографии, как в зеркале, сложенном из отдельных кусочков, раскрывается многогранное значение удивительного романа уфимского писателя второй половины XX века Петра Алексеевича Храмова «Инок»: ярко и интересно рассказано здесь о судьбе автора и его произведения; рассмотрены его связи с традициями отечественной словесности – с творчеством А.С. Пушкина, С.Т. Аксакова, Ф.М. Достоевского, Н. С. Лескова, А.П. Чехова и других классиков XIX века; определена его проблематика и охарактеризованы особенности поэтики.

Благодаря общим исследовательским усилиям складывается целостное представление о месте романа как в русской истории, культуре и литературе, так и в современной русскоязычной прозе Башкортостана. Об этом идет речь в первом разделе монографии.

Так, П.И. Федоров обнаруживает истоки творчества П.А. Храмова в жизни нескольких поколений его православной семьи, оставивших для потомков хрустальный крест Вознесенской церкви в Уфе и незаурядные живописные и литературные произведения.

В.В. Борисова, также высоко оценивая художественные достоинства произведения П.А. Храмова, сравнивает образ главного героя в нем, «нестеровского отрока» с персонажами Ф.М. Достоевского, доказывает глубокую укорененность романа «Инок» в почве классической русской литературы. Наряду с обращением к этому контексту большую роль в его оценке играет региональное измерение, ведь на всем произведении лежит печать «места», в нем ярко отражены уфимские реалии, этнокультурные и национальные особенности геопанорамы и геопоэтики.

И.О. Прокофьева представляет книгу П.А. Храмова как роман-воспоминание, автобиографический по фабуле

становления личности и многоплановому повествованию о жизни героя-рассказчика в родном доме, в окружении других, не менее ярких персонажей.

Поэтому во втором разделе монографии характеризуется образ спутницы главного героя Маши Мироновой. Д.С. Алмашева включает его в ряд идеальных русских женщин, таких как пушкинская капитанская дочка, Татьяна Ларина, Соня Мармеладова, Наташа Ростова. По мнению А.С. Пироговой, достойное место среди них занимает и образ матери в романе «Инок».

Третий раздел монографии – методический. В нем представлен опыт изучения произведения П.А. Храмова в школе и вузе. Один из ключевых эпизодов романа анализируется в сопряжении культурно-исторического метода с целостным и контекстуальным анализом, дополненным интертекстуальными и лингвокультурологическими наблюдениями (В.В. Борисова).

Т.В. Глухова, в свою очередь, показывает возможности обращения к произведению Петра Храмова как к источнику литературных аргументов, необходимых сегодня во всех разновидностях экзаменационного сочинения. Действительно, в романе «Инок» поставлен целый ряд важных философских и нравственных проблем. Каждый читатель может найти в авторской исповеди то, что созвучно его душе и жизненным устремлениям, следуя щедро рассыпанным ключевым словам-«меткам», вызывающим нужные ассоциации.

Конкретное практическое значение имеет и разработка урока литературы в 11 классе по творчеству П.А. Храмова, предложенная Л.Н. Федоровой.

Последний раздел монографии – библиографический. Он ценен тем, что отражает процесс осмысления и «освоения» романа уфимского писателя в наше время. Показательна сама история публикаций произведения, вернувшегося из небытия: отдельные его фрагменты были напечатаны в эмигрантском

журнале «Крещатик» в 2004 году, затем благородную издательскую эстафету принял журнал «Бельские просторы», в котором на протяжении 2008-2011 годов были опубликованы все три части романа. Его отдельное издание вышло в 2012 году. Сегодня он вошел в пособия и хрестоматии, подготовленные кафедрой русской литературы БГПУ им.М.Акмуллы, активно изучается на занятиях по литературе в школе и вузе. Об этом свидетельствует уже достаточно обширный ряд исследований различного характера, репрезентативно представленных в библиографическом описании, подготовленном П.И. Федоровым.

Таким образом, можно надеяться, что коллективный труд осмысления «возвращенного» читателям произведения окажется для них полезным и интересным.

I

РОМАН «ИНОК»: ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ, СУДЬБА, ПРОБЛЕМАТИКА И ПОЭТИКА

П. И Фёдоров

ХРУСТАЛЬНЫЙ КРЕСТ

Работа выполнена при финансовой поддержке
РГНФ и АН Республики Башкортостан
в рамках научного проекта № 15-14-02001
«Современная русскоязычная литература Башкортостана:
региональные и типологические аспекты изучения».

Опубликованный в журнале «Бельские просторы» роман-воспоминание уфимского художника Петра Алексеевича Храмова (1939-1995) «Инок» не остался незамеченным критиками и читателями. И дело не только в несомненной литературной одарённости автора, но ещё и в том, что это произведение продолжает стержневую линию русской литературы, именуемую некоторыми литературоведами христианским реализмом и представленную такими мастерами русского слова, как А. Пушкин, Н. Гоголь, С. Аксаков, А. Островский, Ф. Достоевский, Б. Зайцев, И. Шмелёв, В. Распутин и другие.

Книга о детстве в Уфе в тяжёлые военные и послевоенные годы пронизана такой силой любви к окружающим людям, не броской, но такой узнаваемой и близкой природе, что становится новаторской на фоне холодного профессионализма, обличительного пафоса и пофигизма основного литературного потока.

Публикация романа «Инок» в журнале «Бельские просторы» в 2008-2009 годах вполне сопоставима с легендарной публикацией романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» в журнале «Москва» в 1966-1967 годах. И в том, и в другом романе вечные христианские ценности поверяются суровой советской

действительностью. В одном случае Москвы 20-30-х годов, а в другом – Уфы военного и послевоенного времени.

Оба романа рассказывают о печальных, но чистых и высоких судьбах инакомыслящих (отсюда и заглавие романа Храмова) в тоталитарные эпохи, освещённых трагической любовью. Но если Булгаков в своём произведении продолжает линии Гоголя и Гёте с их фантастическими столкновениями со всевозможной чертовщиной; то в романе Храмова развиваются традиции Аксакова, Пушкина и Л. Толстого.

Особенно интересно в «Иноке» разработана тема пушкинской «Капитанской дочки». Маленькие герои Храмова словно сошли со страниц пушкинской повести и перенеслись через полтора века в послевоенную Уфу, чтобы на новом витке истории, в царстве победившего Пугачёва ещё раз испытать на себе не устаревающую правоту вечных истин, таких, как «Береги честь смолоду…».

Истоки творчества П. Храмова можно отыскать в судьбе его прадеда по отцовской линии – уфимского купца второй гильдии Михаила Андреевича Степанова-Зорина (1845-1921). В 1909 году он начал строить в Уфе храм Вознесения Господня. Деньги были собраны преимущественно среди уфимских купцов. Своё пожертвование в это строительство сделал император Николай II. В тяжелейших условиях мировой и гражданской войн храм был построен. В 1919 году на пересечении улиц Чернышевского и Зенцова своих первых прихожан приняла новая Вознесенская церковь, купол которой украшал единственный в своём роде крест из горного хрусталя.

Однако вскоре наступили такие времена, что церковь сначала закрыли, а потом разрушили и на этом месте построили типовую общеобразовательную школу. Можно представить какой урок беспамятства и попрания веры даёт уже более полувека эта школа. Впрочем, по России количество таких школ и вузов исчисляется сотнями. Потому-то и «танцы на костях» в

годы хрущёвской оттепели так возбуждали продвинутую молодёжь того времени, поскольку она была воспитана на неуважении к человеческой жизни и смерти.

Дар купца Степанова-Зорина своей родине оказался невостребованным, а вскоре и сам он тихо скончался в полном забвении, избежав дальнейших мытарств и издевательств со стороны новых «хозяев жизни».

Но его дочери Прасковье Степановой и её мужу – белебеевскому купцу Василию Храмову – пришлось испить эту чашу до дна. В годы гражданской войны в Белебее ослеплённой классовой ненавистью беднотой был расстрелян Василий Храмов. И только мудрость и самообладание Прасковьи Михайловны спасли от жестокой расправы победителей её сына Алексея. Впоследствии эта мужественная женщина сумела не только поднять всех четверых детей, но и воспитать их достойными людьми вопреки всевозможным препятствиям и невзгодам.

Отец будущего писателя – художник Алексей Васильевич Храмов (1909-1978) – прожил нелёгкую даже по меркам своего времени, но красивую и творчески наполненную жизнь. За ним, как шлейф, тянулось обвинение в буржуазном происхождении.

Как вспоминает племянница художника Надежда Никитична Шамро, «его не приняли учиться в Академию художеств, ему не разрешали продавать свои картины. Он месяцами не получал денег. Жили на более чем скромную зарплату жены, учительницы» (1; 8).

В 1930-е годы после окончания Уфимского художественного техникума он заявил о себе как перспективный, реалистически мыслящий художник. Но тут началась Великая Отечественная война, и Алексей Храмов все пять лет провёл на передовой, находился в окружении, умирал от голода и ран, участвовал в обороне Ленинграда, форсировании Днепра, штурме Кёнигсберга. Домой вернулся после победы над Японией. Он

выжил в невыносимых условиях, и после войны нашёл в себе силы вернуться к живописи.

На этом поприще он не снискал громких званий и наград. Однако его картины знают и высоко ценят искусствоведы и любители живописи во всём мире. В своих уральских пейзажах Алексей Храмов выразил суровую силу и красоту не только родных мест, но и народного характера. Особенно глубоким философским смыслом обладает знаменитый храмовский снег: от жизнеутверждающей «Зимки» до белого погребального савана первого снега, накрывшего ещё зелёные деревья в его последней работе.

Не случайно этот дар сдержанного и лаконичного иносказания так высоко ценили японцы, специально приезжавшие в Уфу ради его картин. Главное же чему научил своих сыновей художник Храмов – это умению видеть. В воспоминаниях Н. Шамро есть такая запись: «Как-то старший сын художника рассказал, что подростком в пылу споров бросил в лицо отцу: «Что ты дал нам?». Его ответ запомнился сыну на всю жизнь: «Я дал вам честное имя!»».

Пётр Храмов пошёл по пути отца, окончил Строгановский художественно-промышленный университет в Москве и стал художником-монументалистом. Его мозаики, росписи и рельефы украшают стены Дворца культуры УЗЭМИК, строительного факультета нефтяного университета, Уфимского железнодорожного вокзала, дворцов культуры, институтов и детских садов Салавата, Благовещенска, Мелеузовского района.

О его личной и творческой жизни на сегодняшний день известно очень мало. После смерти родителей он вместе с младшим братом Андреем жил в Уфе. О его литературном творчестве знали, вероятно, лишь самые близкие люди. Последние годы он подрабатывал сторожем в детском саду. Умер он в нищете и забвении в 1995 году, как нередко завершали свой

тернистый путь русские художники, как когда-то ушёл из жизни и его прадед.

И так же, как у прадеда, его литературные произведения и картины оказались невостребованными. Будучи по своей внутренней сути христианским художником он не стремился прославиться и увековечить своё имя. Поражает, что даже в семейных архивах его близких родственников нет ни одной его фотографии. Но в его романе с большой теплотой и талантом запечатлена военная и послевоенная Уфа с её маленькими деревянными домиками на высоком берегу Белой, с многоязычным населением коммуналок и тёплой семейной атмосферой городских дворов.

С истинным христианским смирением П. Храмов рисует в своём романе не ужасы сталинизма, а веру людей, помогавшую выжить в нечеловеческих условиях. В отличие от многих современных писателей он чётко фиксирует борьбу Добра со Злом в окружающем мире и душах своих героев. Невозможно забыть сцену жестокого избиения лошади, возившей брёвна с берега Белой на лесопилку. Но насилие и жестокость в романе преодолеваются силой деятельной любви. И это обстоятельство роднит произведение уфимского писателя с шедеврами его любимых мастеров слова: Пушкина, Чехова, Л. Толстого.

Творчество даже самых великих художников является лишь каплей в океане народной культуры. И тут важен не столько размер или оригинальная форма этой «капли», а её химический состав, соответствующий или не соответствующий миллионам других.

В случае с Петром Храмовым решающую роль играет не поверхностное сходство, а глубинное соответствие его произведения религиозно-нравственным традициям русской культуры. В его романе-воспоминании органично сочетаются три основные линии, плавно и незаметно переходящие одна в другую.

Это собственно воспоминания о детстве и отрочестве автора в военные и послевоенные годы, перетекающие в мудрый и любящий взгляд художника, оценивающего эти события из нынешнего времени. Если бы не было этого взгляда, события того времени приняли бы мрачный и даже зловещий оттенок. Автору романа, как и его земляку С. Т. Аксакову, удалось сохранить чистый детский взгляд на мир в сочетании с мудростью много пережившего человека и глубоким знанием отечественной культуры.

Вот как он воспринимал своё военное детство: «…мне казалось в те военные времена, что совсем разные вещи – и дожди, и туманы, и даже розовые солнечные снега, и задумавшиеся люди, и озябшие старушки, и важничающие щенки, и вербочки, и осиротевшие книги – всё важное и значительное, что меня волновало, было освещено (или подсвечено) неярким светом плакучей свечечки, которая, погибая и возрождаясь, светила нам всю войну в медном, стареньком <…> бабушкином подсвечнике. Словно бы та, ушедшая из этой жизни Россия, зная о нас и о войне, посылала нам молчаливый, неяркий и, как выяснилось позднее, никогда не гасимый свет» (2; 26). Этот «неяркий, негасимый свет» святой Руси незримо присутствует на каждой странице романа, освещая самые тёмные закоулки жизни его героев.

А события этой жизни далеки от сусального благополучия иных псевдоисторических произведений. Один дед маленького героя расстрелян в гражданскую войну, другой, вернувшийся после десяти лет лагерей, умирает от туберкулёза. Мальчик живёт с бабушкой и мамой в маленькой комнатке коммунальной квартиры в исторической части Уфы, недалеко от Сергиевской церкви. Он любуется старинным деревянным домом, стремившимся в небеса и походившим на остановившееся пламя. Его манит тихая река Белая.

В мире природы у него есть друзья: одинокий тополь и уличная собачонка Лобик. Семья ждёт с фронта отца маленького героя. А пока бабушка учит его самостоятельно читать, попутно знакомя с личностью последнего русского царя. Жизнь уцелевших представителей старого мира в новом советском обществе полна каждодневных испытаний: они не только лишены своих былых привилегий и материального благополучия, но и подвергаются нападкам окружающих за своё происхождение и сохраняемую в душах веру. И в этом чуждом и враждебном им мире семья маленького героя романа становится оплотом, сохраняющим честь и традиции утраченного прошлого.

В ответ на оскорбления пьяного соседа-коммуниста бабушка не опускается до его уровня, а лишь смотрит на него. «Взгляд был очень светлый, и в выражении его коммунист, очевидно, увидел что-то такое, отчего истошный его хрип перешёл в неясное бормотание, закончившееся икотой и рвотой уже во дворе. Бабушка стояла чрезвычайно прямо, вроде ещё и ещё выпрямляясь, стояла спокойно, но смотреть на неё было тяжело и страшно» (2; 27).

Однако такое непреклонное отстаивание своих нравственных и религиозных ценностей не мешает той же бабушке посильно участвовать в защите общего с коммунистами отечества и крестить от пуль звёздочки на солдатских шапках, которые она стирала и чинила для фронта.

Когда взрослые приставали к маленькому герою романа с вопросами о будущем его поприще, он, вычитав в бабушкином словаре множество диковинных профессий, объявлял, что хочет стать «камергером», «архивариусом», «фельдмаршалом» или «демагогом». «А по национальности ты будешь матросом», – смеялся друг отца (3; 27).

В этом вроде бы шутливом разговоре проговаривались варианты будущей судьбы автора романа. Он мог бы стать карьеристом, кабинетным учёным, лизоблюдом или просто

интеллигентным болтуном без роду, без племени, но он выбрал тяжкий крест русского писателя и пронёс эту ношу до конца.

В первом классе герой романа обнаружил свою полную неспособность к абстрактному мышлению. Видя затруднения ребёнка в постижении арифметики, учительница попыталась раскрыть ему красоту логики и здравого смысла. В ходе беседы мальчик попытался объяснить своё детское понимание единства всего живого, которое невозможно разложить на части и считать. Анна Дмитриевна поняла «правила его любви» и сказала: «А ты очень интересный мальчик, прямо-таки инок». – «Инок – это священник?» – спросил я. «Нет, – отвечала она, – не обязательно. Инок – это просто другой, иной человек – и-ной», – сказала она с улыбкой» (3; 36). И герой через много лет произносит слова благодарности своей учительнице, сумевшей в суете нелёгкой послевоенной жизни разглядеть в нём особенную душу и помочь ей развиться.

Жизнь в романе наполнена любовью. И хотя к середине XX века православие уже было вытеснено из советской жизни, многие люди всё ещё жили по заповедям христианской морали. Вот маленький герой-первоклассник пришёл к дочери погибшего на войне солдата – Маше Мироновой – подтягивать её по чистописанию. При некотором внешнем сходстве этой истории с изображением школьной жизни в годы позднего сталинизма (вспомним хотя бы книгу и фильм «Первоклассница») вся она пронизана христианскими мотивами кротости, взаимной любви и сострадания.

Характерен эпизод, когда Маша торжественно вносит тарелочку с одним-единственным пирожком. «Вот это я сама испекла и лепила, – и тихо добавила: – это тебе, – и чуть погромче: – горячий». А сзади неё, за окном, две высокие снежные шапки на заборе, казалось, склонились друг к другу и к каждому её плечику. Множество раз вспоминал я впоследствии

эту картину, и постепенно, сквозь этот уже сон бытия, стали просвечивать реалии рублёвской «Троицы» (3; 46).

Эти же мотивы характерны для сцены возвращения деда героя-рассказчика из сталинских лагерей. Дед уже прошёл испытания историей, потерял многое, в том числе здоровье, а вскоре и жизнь, но сохранил веру и честь своего дворянского рода. На вопрос деда о вере в Бога внук просто и легко даёт положительный ответ. Первая часть романа заканчивается «как начало и конец простой русской притчи» (3; 52). Стоя на берегу реки Белой, дед и внук чувствуют свою духовную связь: «С необычайной, но тихой силой я чувствовал, что мы находимся с дедушкой в одном состоянии и созерцаем в нашей общей сейчас душе явление невидимого, но сущего. Того, кто теплится в нас правдой, любовью и совестью. Того, кто ведёт нас по этой неяркой и простой земле» (3; 52).

Во второй части романа П. Храмова продолжается развитие трёх основных линий. Во внешней, семейно-бытовой истории рассказывается о поездке к деду в Турбаслы, событиях в семье, в школе и во дворе. В этой части воспоминаний герой переживает немало первых утрат: умирает от туберкулёза дед, пьяницы с лесопилки жестоко убивают верного пса Лобика, спиливают одинокий тополь и, наконец, главное событие второй части романа – траур по случаю смерти товарища Сталина.

Во внутренней жизни героя дружба с Машей Мироновой постепенно перерастает в любовь. Вместе с крепнущей верой героя происходит конфликт между его нравственными идеалами и творчеством. Упорный двадцатилетний труд над картиной ребёнка в концлагере закончился поражением художника.

Третьей линией развития романа стали явные и скрытые переклички с повестью А. Пушкина «Капитанская дочка». Это произведение было выбрано П. Храмовым не случайно. Как пишет современный исследователь творчества Пушкина философ В. Катасонов, «По степени авторской сознательности в

изображении темы милосердия повесть «Капитанская дочка» является одним из самых христианских произведений в мировой литературе. Именно от «Капитанской дочки» <…> идёт в русской литературе традиция проникновенных диалогов «святых и преступников», стоящих «в беспредельности» - перед лицом Бога» (4; 6).

В романе «Инок» тема милосердия не играет такую важную роль, как в последнем романе Пушкина, но несколько сцен напрямую относятся к нему. Однажды герой произведения, собирая для печки щепочки, украл берёзовое полешко. Охранявшие поленницу пленные немцы остановили его. Один из них отобрал у мальчика добычу, а другой вернул её и как-то дружелюбно посмотрел. В ответ ребёнок принёс тайком из дома своему заступнику две большие варёные картошки с солью. «Одну картошку он протянул мне. Я отказался и ушёл домой с тихой радостью, впервые в жизни ощутив в душе тот удивительный свет, который вложен в нас Богом, но я не знал, как он называется» (2; 18).

В четвёртом классе герой воспоминаний спас пса Лобика из проруби, при этом сам провалился в воду, и потом весь день бегал в мокрых валенках, скрывая от взрослых это происшествие.

Во время войны от недоедания маленький герой стал слепнуть. Врачи посоветовали матери кормить его мёдом, недоступным в ту пору для многих горожан. Совершенно неожиданно на помощь пришла бывшая преподавательница матери из университета Сара Гарифовна, отдавшая бесплатно большую банку мёда. Благодаря этому мёду автор воспоминания остался зрячим не только физически, но и духовно.

Соприкоснувшись с милосердием в детстве, он пронёс его через всю жизнь. В своём вдохновенном монологе о Христе герой романа вкладывает в его образ выстраданный нравственный опыт советского военного поколения: «И ничто не минует Его: ни предательство, ни верность, ни искушение <…>.

Он даст нам нравственность. Он тихо протянет нам тоненькую, но никогда не сгорающую свечечку ненасилия, Он скажет нам самое на этой земле главное: «Бог – это любовь». И за это Его прибьют гвоздями к занозам креста, и Он долго будет смотреть в нежный горизонт, и мы станем людьми, если поймём, что Он тогда думал. <…> И умрёт Он. И мы виноваты. Доднесь. И мрак познания, и свет ребяческой души ведут между нас борьбу за первенство» (5; 19).

Эту борьбу между светом и мраком в России военного и послевоенного времени уфимский писатель выстраивает не хаотично, а в традициях пушкинской повести. «Капитанская дочка» – это последний текст, опубликованный Пушкиным. Он стал его завещанием. По мнению В. Шапошниковой, «в этой повести идеалом человеческих отношений является семья, во главе которой – отец (Отец), мать (Мать), а все – дети и братья» (6; 11).

В центре романа П. Храмова также находится русская православная семья в годы испытаний, когда многие незыблемые столетиями устои общества были разрушены. Но если у Пушкина молодая христианская цивилизация выдержала натиск народной стихии, то в романе «Инок» её уцелевшие остатки ищут способы выживания в царстве победившего «Пугачёва».

В «Капитанской дочке» поступательное развитие общества выражается не только в динамизме событий, но и в языке произведения, где не только глаголы, но часто и существительные выражают действие. Однако, не смотря на цепь благодеяний и милостей, в мире, предстающем в повести, трудно выжить. Особенно, сохраняя достоинство. Через несколько месяцев после завершения этого произведения сам поэт погиб на дуэли, защищая честь своей семьи.

Как пишет О. Заславский, «…законы этого мира требуют подчинения – безропотного или притворного. То, что Гринёву и его невесте удаётся спастись, ни разу не поступившись

собственным достоинством, – их несомненная заслуга, наполняющая особым смыслом эпиграф к повести: «Береги честь смолоду»» (7; 49). Пугачёв в романе Пушкина – бунтарь, отрицатель, полагающийся сам на себя.

По мнению Е. Анненковой, «Гринёвы, Мироновы укоренены в русской жизни, умны не только собственным умом, опираются на веками складывающиеся представления и привычки» (8; 102). Будучи слабее, мельче, незначительнее Пугачёва, «Гринёву дано сохранять человеческое начало в бесчеловечных поворотах жизни и удерживать равновесие истории, оказывающейся подчас на краю бездны» (8; 107).

В романе «Инок» ситуация усугубляется тем, что страна всё же сорвалась в бездну, и действие медленно разворачивается уже на обломках былого величия. Отсюда неспешный ритм повествования, поскольку с точки зрения героев произведения торопиться уже некуда. Отсюда и стремление главного героя, в течение двадцати лет безуспешно пытавшегося создать картину, обрести гармонию в искорёженной жизни. «Картина не получилась, но странно-тайными путями объяснила мне новейшую и печальную историю нашего Отечества. Я страстно хотел изобразить гармонию земного естества и Божьего милосердия, но… но я не умел, я не знал, я не верил тихим движениям своей души, доверял лишь человеческой логике» (9; 14).

Потерпев творческую неудачу в живописи, герой приобрёл духовный опыт, заставивший его взяться за перо. В его романе «Инок» зафиксировано возвращение части русской интеллигенции к преданным традициям христианской нравственности и идеям соборности русского народа. «За двадцать лет, истерев сотни подошв и кистей, я понял одно: смирение перед Божьей волей есть единственно возможная форма существования человеческой души на этой неяркой и простой земле» (9; 14).

Потому-то в споре с повзрослевшей Машей главный герой романа называет Сталина монархом. Потому-то в более поздние времена герой, не боясь прослыть ортодоксом, вновь вернулся к идее взаимозависимости народа и его лидеров: «Сталин был точно по размеру нашего народа. Его любили и любят под стать его подлости, его холопству, его зависти и чудовищной жестокости, по точным размерам примитивнейшей его справедливости». Невидящим взглядом Маша посмотрела окрест и спросила меня простенько: «А народ всегда был таким?» Я задумался. И тогда, и сейчас» (3; 44).

Для героя романа Сталин был жестоким, но по-своему справедливым отцом, а не менеджером нации, вернувшим железной рукой заблудших сыновей в лоно традиционного развития. Ни один из правителей России в XX веке от Николая II до Ельцина не мог так объединить многонациональный народ страны, как это сделал Сталин. Он был орудием в руках Бога, с помощью которого в России был на время преодолён раскол, ведущий страну к гибели.

В описании Дня Победы в Уфе запоминаются открытые двери и горящие в каждой комнате свечи и керосиновые лампы, обнимающиеся и плачущие живые и мечущиеся по стенам тени павших на фронтах воинов. Таких святых чувств человеческого братства автор воспоминаний больше никогда не испытывал. Вторая часть романа завершается траурными церемониями в Уфе по случаю смерти отца народов, оставляя героев произведения перед новым выбором дальнейшего жизненного пути.

Роман П. Храмова «Инок» через 13 лет после смерти автора всё же дождался своей публикации, ещё раз доказывая истину о том, что «рукописи не горят». Продолжая традиции русской христианской прозы XIX-XX веков, он успешно вписывается в контекст современного направления метафизического реализма Ю. Мамлеева и других писателей, интересующихся тем, что лежит за пределами физического мира. Своим романом П.

Храмов напомнил нам о душе, о милосердии, о чести, о любви, о том, что делает человека человеком.

Четыре поколения семьи Степановых-Храмовых прошли по жизни, не оставив после себя почти никаких следов. В отличие от людей нынешней эпохи, стремящихся приумножить свои богатства и бесконечно делящих своих детей, квартиры, театры, творческие союзы и даже империи, они заботились о вечном. И в Вечной России, которая вопреки мнению скептиков всё же существует, навсегда останутся картины уфимских художников Алексея и Петра Храмовых, роман «Инок» и хрустальный крест Вознесенской церкви, построенной благодаря трудолюбию, упорству и вере купца второй гильдии Михаила Степанова-Зорина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шамро Н. Штрихи к портрету : [воспоминания о художнике А. В. Храмове] // Истоки. – 2009. – № 8 (февр.). – С. 8.
2. Храмов П. Инок : роман-воспоминание // Бельские просторы. – 2008. – № 9. – С. 11-44.
3. Храмов П. Инок : роман-воспоминание // Бельские просторы. – 2008. – № 10. – С. 24-52.
4. Катасонов В. Н. Тема чести и милосердия в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка»: (религиозно-нравственный смысл «Капитанской дочки» А. С. Пушкина) // Лит. в шк. – 1991. – № 6. – С. 2-13.
5. Храмов П. Инок : роман. Ч. 2 // Бельские просторы. – 2009. – № 10. – С. 9-29.
6. Шапошникова В. В. Семейные ценности в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина // Рус. словесность. – 2009. – № 1. – С. 3-11.
7. Заславский О. Б. Проблема милости в «Капитанской дочке» // Рус. лит. – 1996. – № 4. – С. 41-52.

8. Анненкова Е. И. Национальное и историческое в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» // Русская литература. XIX век. От Крылова до Чехова : учеб. пособие / сост. Н. Г. Михновец. – СПб., 2001. – С. 84-108.

9. Храмов П. Инок : роман. Ч. 2 // Бельские просторы. – 2009. – № 11. – С. 8-33.

В. В. Борисова

«ВОЗВРАЩЕННОЕ» ПРОИЗВЕДЕНИЕ УФИМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Работа выполнена при финансовой поддержке
РГНФ и АН Республики Башкортостан
в рамках научного проекта № 15-14-02001
«Современная русскоязычная литература Башкортостана:
региональные и типологические аспекты изучения».

Одним из лучших произведений современной русскоязычной прозы Башкортостана является роман Петра Алексеевича Храмова «Инок», хотя, точнее, его следует отнести к так называемой «возвращенной», неофициальной литературе, поскольку при жизни писателя он не был и не мог быть издан в силу уже своего символического названия, вызывающего ассоциации с героем Ф. М. Достоевского Алешей Карамазовым. Роман опубликовали вначале в мюнхенском альманахе «Крещатик» (2003), затем в уфимском журнале «Бельские просторы» (2008-2009) и в башкирском издательстве «Китап» (2012), во многом благодаря усилиям его родственников и главного библиографа Башкирского государственного педагогического университета П. И. Федорова, автора первой статьи о Петре Храмове [7; 83-88].

По мнению критика, «публикация романа «Инок» в журнале «Бельские просторы» в 2008-2009 годах вполне сопоставима с легендарной публикацией романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» в журнале «Москва» в 1966-1967 годах. И в том, и в другом романе вечные христианские ценности проверяются суровой советской действительностью. В одном случае Москвы 1920-1930-х годов, а в другом – Уфы военного и послевоенного времени. Оба романа рассказывают о печальных, но чистых и

высоких судьбах инакомыслящих в тоталитарные эпохи, освещённых трагической любовью» [7; 83].

Сегодня творчество Петра Храмова изучается в рамках проекта «Уфимская литературная Rossica XX-XXI вв.», восстановлена биография писателя, описан его творческий путь [5; 39-44]. Как справедливо отмечает П. И. Федоров, «истоки творчества П. Храмова можно отыскать в судьбе его прадеда по отцовской линии – уфимского купца второй гильдии Михаила Андреевича Степанова-Зорина (1845-1921). В 1909 году он начал строить в Уфе храм Вознесения Господня. Деньги были собраны преимущественно среди уфимских купцов. Своё пожертвование в это строительство сделал и император Николай II» [7; 83]. В 1919 году храм был построен, его купол украшал крест из горного хрусталя. В советское время церковь разрушили, а сам купец, как позже и его правнук, скончался в полном забвении.

Его дочери Прасковье Степановой также пришлось испить чашу испытаний до дна, в годы Гражданской войны она потеряла своего мужа – купца Василия Храмова, расстрелянного большевиками. «Отец будущего писателя – художник Алексей Васильевич Храмов (1909-1978) – тоже прожил нелёгкую даже по меркам своего времени <… > жизнь. За ним, как шлейф, тянулось обвинение в буржуазном происхождении», [Там же, с. 86], из-за которого его не приняли учиться в Академию художеств, не разрешали продавать свои картины. Вернувшись с фронтов Великой Отечественной войны, он продолжил работу на поприще живописи.

Написанные им уральские пейзажи выглядят своеобразными иллюстрациями к литературному творчеству сына, который, пойдя по стопам отца и став художником-монументалистом, создателем мозаик, росписей и рельефов, до сих пор украшающих многие уфимские здания, оставил после себя и литературные произведения, неизвестные современникам и возвращающиеся к потомкам. По стечению обстоятельств Петр

Алексеевич Храмов (1939-1995) последние годы прожил затворником, «иноком», как и его главный герой.

В романе уфимского писателя талантливо запечатлена жизнь в военной и послевоенной Уфе с её маленькими деревянными домиками на высоком берегу Белой, с многоязычным населением коммуналок и тёплой семейной атмосферой городских дворов.

На всем произведении очевидна печать «места», в нем ярко отражены уфимские реалии, соответственно выделяются этнокультурные и национальные особенности геопанорамы и геопоэтики: образ родного сказочного дома на берегу реки Белой, другие многочисленные конкретные топонимы (речка Сутолока, Монумент дружбы, Сергиевская церковь, Курочкина гора, Цыганская поляна, деревня Турбаслы и т.п.), образы башкир Афзала Гимаевича, Нагимы Асхатовны и др., колоритная двуязычная речь жителей Уфы, исторические и социальные подробности их жизни в 1940-1960 годы.

Тем не менее, благодаря обильным авторским комментариям и публицистическим обобщениям региональная картина мира расширяется до полотна общероссийского бытия.

Исходя из этого, региональное измерение в художественной оценке романа «Инок» предполагает обращение и к внерегиональному, общероссийскому контексту. В данном случае это контекст русской классической литературы, «родной» и близкий для автора. В его семье, по воспоминаниям близкой родственницы писателя Олеси Георгиевны Храмовой, царил культ искусства и литературы, была большая библиотека. Произведения писателей-классиков Петр Алексеевич любил и ценил. Потрясающая эрудиция и начитанность, прекрасное чувство слова, приверженность традиции христианского реализма помогли ему вписаться в магистральное русло отечественной литературы.

Роман «Инок» действительно отличается глубокой укорененностью в классической традиции отечественной словесности, связанной, во-первых, с изображением русской интеллигенции и народа, во-вторых, с развитием приемов автобиографического повествования, сопрягающего детское восприятие мира с его ретроспективным осмыслением.

С жанровой точки зрения произведение Петра Храмова можно отнести к роману-воспоминанию, автобиографическому по фабуле становления личности и многоплановому повествованию о жизни героя-рассказчика в родном доме, который в детстве казался ему сказочным теремом царя Салтана, в отрочестве обнаружил «привлекательную чуждость вальтерскоттовских замков», а в юности – черты «совестливой и смирной интеллигентности чеховского дома с мезонином». Восклицанием «Ах какой это был дом!» начинается и заканчивается роман.

В системе его персонажей помимо главного героя, будущего художника и писателя, важную роль играют бабушка и подружка Маша Миронова, «самые родные души» для него. Маленький герой любит бегать на реку Белая с собачкой Лобик и смотреть на высокий тополь. Бабушка, бывшая дворянка, учит его всему доброму. Еще в первом классе учительница, разглядев в нём особенное, назвала его «иноком». У него действительно «иной» взгляд на мир и людей: «он и деревья живыми считает, и мяч целует, и собак называет братьями» (6; 115).

Подружка-первоклассница Маша воспринимается им как часть рублёвской «Троицы» (6; 46), а дед, вернувшийся из сталинских лагерей, как хранитель веры и чести своего дворянского рода: «С необычайной, но тихой силой я чувствовал, что мы находимся с дедушкой в одном состоянии и созерцаем в нашей общей сейчас душе явление <… > Того, кто теплится в нас правдой, любовью и совестью <… > кто ведёт нас по этой

неяркой и простой земле» (6; 107). Так заканчивается первая часть романа.

Во второй его части продолжается рассказ героя о событиях в семье, школе, во дворе, о первых утратах: умирает от туберкулёза дед, пьяницы с лесопилки жестоко убивают верного пса Лобика, спиливают одинокий тополь. Главными событиями в жизни мальчика становятся смерть Сталина и дружба с Машей Мироновой, постепенно перерастающая в любовь.

В третьей части романа герой, пережив творческий кризис, постигший его после многолетнего труда над самой важной для него картиной, берется вместо кисти за перо: «За двадцать лет, истерев сотни подошв и кистей, я понял одно: смирение перед Божьей волей есть единственно возможная форма существования человеческой души» (6; 215).

Рассмотрим один из главных ключевых фрагментов романа в сопряжении культурно-исторического метода, обязательного в литературоведческой регионалистике, с целостным и контекстуальным анализом:

«*Рядом с высоким, стройным и розовым нашим теремом распласталась похожая на барак лесопилка – организация весьма разнообразная: от работников – мрачная, от пил – звонкая, от опилок и стружек – пахучая. Сырье для этого предприятия приплывало по Белой в виде бесконечно длинных плотов и доставлялось под пилы способом совершенно варварским. Несколько бревен связывалось цепью, и две лошади по бокам их тащили «долготье» вверх по довольно крутой горе. Связку из трех бревен лошади влекли споро и даже хвостами помахивали от возбуждения, хотя упирались, конечно, и шеи выгибали с напряжением. Так бы работать и работать, но нет. Погонщики лошадей, как и все нетерпеливые натуры, воображение имели извращенное и мятежное: почти постоянно будучи «выпимши», они наивно полагали, что чем больше связать бревен и чем страшнее погонять лошадей, тем работа пойдет успешнее.*

Укреплял их в этом заблуждении и парторг лесопилки, человек нечеловеческой энергии, словом своим пролетарским, страстью своей партийною. «Больше связывать бьевен и стъоже с этими клячами, бить их и бить, и план, и план, а вам, товаищи, – пьемиальные», – скандировал он, за чудовищным неимением времени справляя малую нужду тут же, на берегу, даже не отворачиваясь.

Угрюмые погонщики безнадежно смотрели на его срам, мысленно сопрягая его вид с будущими своими дивидендами. Повинуясь воле партии и химерам своего невежества, мужики-фантазеры связывали вместе пять, семь и даже девять бревен. Мат и побои увеличивались соответственно. При девяти бревнах лошади явно надрывались, но погонщики гнали и гнали их вверх похабными воплями и истязаниями.

Господи, как же они их били: мученически вытягивая шеи и тыкаясь губами в грязь, лошади падали на колени, а потом валились набок в конвульсиях, хрипели, их кроткие глаза выкатывались и, глядя в одну точку, замирали в горестном и недвижном недоумении. Тут погонщики с «широким русским надрывом» картинно бросали оземь кнуты и, матерясь до пены, ее, лежащую, избивали уже сапогами, светясь особым, пролетарским сладострастием. А она, не владея уже телом, вздрагивала только кожей, и отрешенный ее взор, вроде бы намекая на мольбу, по-прежнему оставался неподвижным, даже когда появлялась кровь.

Сердце мое разрывалось: я мучился не меньше четвероногих своих братьев. Ведь это ясно как день: три раза по три бревна гораздо быстрее, чем один раз по девять бревен. «Так же быстрее», – говорила бабушка истязателям, показывая на отвергнутую связку из трех бревен. «Просто быстрее», – повторяла и повторяла она с нервическим подергиванием головы и, нелепо, смешно и жалко сжимая мощные свои ладони, умоляюще глядела на стоящих животных, опасаясь глянуть на

распластанное живое существо. Засуетилась. Потерялась. Отчаялась. Наконец взяла себя в руки, успокоилась и вместе с одним пожилым башкиром с трудом помогла лошади встать на ноги. И та стояла, родимая, пошатываясь, растопырив ноги, в крови, сначала низко-низко опустив голову, а потом подняла ее, слабо помаргивая и как бы ища точку опоры.

Как я понял позже, зрелище это было весьма символическим: бабушка стояла перед «народом», просто-таки олицетворяя трагедию русской интеллигенции: в шляпке (нарочито барской), в черном, «еще из Ростова», штопаном-перештопаном английском костюме, таковых же «счастливых» перчатках, в пенсне, с завитым маленьким локончиком около большого уха – потерянным изумлением перед бессмысленной жестокостью и родственным состраданием к живому существу. На глаза ее навертывались слезы бессилия – ее было жалко не меньше лошадей. Она говорила с «народом» о добре. О господи! Меня почти до озноба трогали ее деликатное заступничество, вежливая попытка ее лицемерия: «Вы же советские люди», ее верность своему классу в чувствах, поступках, манерах, даже в облике своем, для окружающих чуждом и нелепом, «не нашем» [6; 10-11].

Этот фрагмент текста в силу своей концептуальности дает возможность целостного осмысления всего произведения через анализ его системы персонажей, представленной в данном случае мужиками-погонщиками, парторгом, лошадью, бабушкой и героем-рассказчиком, в своем сознании соединяющем две субъектно-речевые точки зрения: ребенка и взрослого человека, вспоминающего события из детства.

В коллективном образе мужиков-погонщиков чрезвычайно значимы символические детали, характеризующие их безудержную стихийную жестокость: *нетерпеливые натуры, извращенное и мятежное воображение, «выпимши», мат и побои, похабные вопли и истязания.* Здесь проявляется одна из

крайностей «широкого» национального характера русского народа, давно отмеченная отечественными писателями и философами. Так, в выражении «мужики-фантазеры» слышен отзвук высказывания Свидригайлова из «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского: «Русские люди вообще широкие люди <…> и чрезвычайно склонны к фантастическому, к беспорядочному» [2; 378].

Другая ключевая фраза из приведенного фрагмента содержит, на наш взгляд, контаминацию разных граней в традиции изображения русского народа отечественными писателями-классиками – от Достоевского до Андрея Платонова: *Тут погонщики с «широким русским надрывом» картинно бросали оземь кнуты и, матерясь до пены, ее, лежащую, избивали уже сапогами, светясь особым, пролетарским сладострастием* [6; 11].

С одной стороны, здесь видна почти прямая цитация «Достоевского *надрыва»,* предполагающего *«*такое эмоциональное состояние, когда человек не справляется со своими чувствами: эмоции либо захлестывают его, заставляя забыть о мере и вкусе, а то и о приличиях, либо, напротив, оказываются вымученными и нарочитыми» [3; 249].

Именно Достоевский насытил слово «надрыв» богатством смысловых оттенков и ассоциаций, сделал его ключевым в романе «Братья Карамазовы», введя в названия глав четвертой книги второй части «Надрывы» (глава 5 «Надрыв в гостиной», глава 6 «Надрыв в избе», глава 7 «И на чистом воздухе»). С другой стороны, в тексте Петра Храмова оно дополняется словосочетанием «пролетарское сладострастие», созданным уже автором «Чевенгура» и «Котлована».

Интертекстуальный и лингвокультурологический анализ текста в данном случае необходимо дополнить решением другого важного вопроса, поставленного и выделенного автором благодаря обращению к графическим способам выделения

ключевого слова, написанного по-разному: *народ и «народ»*. Налицо скрытая амбивалентность изображения народа в произведении уфимского писателя, подметившего в его характере наряду с нетерпеливостью и надрывом скрытый протест и сознание греха: «*Угрюмые погонщики безнадежно смотрели на его срам, мысленно сопрягая его вид с будущими своими дивидендами».* Перифразы «*срам*» и «*дивиденды*» в данном случае контекстуально связаны с распространенной частушкой: «Хочешь сей, а хочешь…».

В конечном счете, можно сделать вывод о том, что образ мужиков в романе Петра Храмова – это органичное проявление той традиции, которая в русской классической литературе и философии шла от изображения народа-богоносца к изображению народа-богоборца.

Образ парторга, укреплявшего мужиков-погонщиков в их заблуждении, также вполне вписывается в контекст произведений А. Платонова вплоть до имитации их сказового ритма, поддержанного в данном примере двойной инверсией: «*словом своим пролетарским, страстью своей партийною».*

Особое место в тексте Петра Храмова занимают образы лошадей, вызывающих в памяти как соответствующие стихотворения Н. А. Некрасова и В. В. Маяковского («Под жестокой рукой человека…»; «Хорошее отношение к лошадям»), так и первый сон Родиона Раскольникова, поражающий контрастом между крайней жестокостью русских мужиков и сочувствием к страдающему животному, которое, подобно герою Достоевского, демонстрирует ребёнок в романе «Инок». Защищая лошадь, он сначала плюнул в лицо парторга лесопилки, а потом с остервенением «*рвал, кусал, царапал ненавистную и подлую тварь*» [6; 92]. Ср.: «Но бедный мальчик уже не помнит себя. С криком пробивается он сквозь толпу к савраске, обхватывает ее мертвую, окровавленную морду и целует ее, целует ее в глаза, в губы... Потом вдруг вскакивает и в

исступлении бросается с своими кулачонками на Миколку» [2; 49].

Таким образом, отмеченные аллюзии и реминисценции вполне подтверждают укорененность романа «Инок» в почве традиций русской классической литературы.

Олицетворением дореволюционной русской интеллигенции в произведении Петра Храмова является образ бабушки. В ее портрете красноречивы следующие детали: *«зрелище это было весьма символическим: бабушка стояла перед «народом»;* «*с нервическим подергиванием головы и, нелепо, смешно и жалко сжимая мощные свои ладони, умоляюще глядела на стоящих животных…».*

Для понимания роли главных образов произведения важное значение имеет ключевая фраза: «*Она <бабушка> говорила с «народом» о добре*». Конечно, эта горько-ироническая фраза исходит не из детских уст, являясь, по сути, выражением авторского осмысления растянутых в историческом времени трагических взаимоотношений народа и русской интеллигенции.

Тем не менее, все образы преломляются именно в детском восприятии, осложненном и дополненном взрослой рефлексией. Оно в высшей степени экспрессивно, что отражается в особенностях речи *(«Господи, как же они их били…»; «Сердце мое разрывалось…»),* сохраняющей острую реакцию детской души на чужое страдание.

Соответственно в авторской позиции проявляется и непосредственность детских переживаний, и опыт взрослой жизни: «*Как я понял позже…*». В сознании писателя закрепилась эмблематическая картина «встречи» десакрализованного российского народа и уже бессильной ему противостоять русской интеллигенции как итога разрешения коренной в русской литературе ситуации «rendez-vous с народом». Через восклицание «*О Господи!»* автор подводит финал взаимной трагедии народа и интеллигенции.

Итак, роман П. А. Храмова «Инок», демонстрируя высокий художественный уровень региональной литературы, подтверждает его обусловленность глубинным соответствием произведения религиозно-нравственным традициям русской классики, связями с ними как в собственно литературном, так и этнокультурном и национальном аспектах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова В. В. Роман П. А. Храмова «Инок» в контексте традиции Ф. М. Достоевского и русской классической литературы: опыт изучения // Литературная Rossica Башкортостана в XXI веке. Вып.2. Уфа: изд-во БГПУ, 2014. С. 8-14.

2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 6. Преступление и наказание. Л.: Наука, 1973.

3. Левонтина И. Б. «Достоевский надрыв» // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. Сборник статей. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 247-259.

4. Полякова Л. Филологическая регионалистика как наука // Вопросы литературы. 2015, № 3. С. 186-202.

5. Прокофьева И. О. Художественное своеобразие исповедально-биографической повести П. Храмова «Инок» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013, № 11 (139). С. 39-44.

6. Храмов П. А. Инок: роман. Уфа: Китап, 2012. 256 с.

7. Фёдоров П. И. Хрустальный крест // Бельские просторы. 2011. № 1. С. 83-88.

И.О. Прокофьева

ИСПОВЕДАЛЬНО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ РОМАН П.А. ХРАМОВА «ИНОК»

Работа выполнена при финансовой поддержке
РГНФ и АН Республики Башкортостан
в рамках научного проекта № 15-14-02001
«Современная русскоязычная литература Башкортостана:
региональные и типологические аспекты изучения».

«Жизнь – это война с забвением…». Эти слова из романа «Инок» уфимского художника и писателя Петра Алексеевича Храмова как нельзя лучше подходят к тому, чтобы подчеркнуть главную особенность данного произведения, которое, безусловно, обладает многими художественными достоинствами.

Главный герой романа – маленький мальчик, чья душа тонко распознаёт и глубоко оценивает прекрасное и безобразное в окружающей его действительности, который включает и ассимилирует в себе прошлое и настоящее, сиюминутное и вечное; уютное пространство родного дома и целой России, настоящее нашего Отечества и его историю, пейзаж родного края и бездну вселенной.

В тексте писателя, как это часто бывает в автобиографических произведениях, легко и виртуозно соединяются оценки этого мира главным героем, который предстаёт перед читателем то шестилетним мальчиком, то подростком, то двадцатишестилетним молодым человеком, то ещё более зрелым и мудрым мужчиной.

С одной стороны, перед читателем разворачивается широкая картина военной и послевоенной жизни уфимцев (именно из Уфы родом герои романа), которая благодаря авторским комментариям расширяется до полотна общероссийского

бытования. А с другой стороны, художник создаёт исповедальное полотно внутренней жизни, поражающей своей тонкостью и филигранностью.

В центре исповедально-биографического романа – развитие и становление души главного героя; весь сюжет сфокусирован на душевных состояниях и переживаниях мальчика, чьи оценки порой бывают мудрее, точнее и глубже, чем у взрослых, на истории его семьи, на судьбоносных событиях в жизни бабушки, дедушки, отца и матери.

Своё произведение П.А. Храмов назвал «Инок». Заглавие явно носит символический характер. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля читаем: «Инок – монах, чернец, черноризец; отшельник, пустыножитель» [1; 297].

Иноком главного героя назвала его первая учительница Анна Дмитриевна во время беседы с ним, когда она пыталась объяснить своему ученику основы арифметики, дающиеся ему с большим трудом из-за «излишне» развитого художественного воображения: «А ты интересный мальчик, прямо-таки – инок». «Инок – это священник?» – спросил я. «Нет, – отвечала она, – необязательно. Инок – это просто другой, иной человек – и-ной», – сказала она с улыбкой» [4; 80].

Конечно, «иным» можно назвать любого не вписывающегося в окружающий мир человека, не принимающего его правила, отвергающего основы тоталитарной системы, – мир, который в любом уничтожает индивидуальное, неповторимое начало. Но нам думается, что символический подтекст, возникающий в названии романа, более глубокий, христианский.

Невольно вспоминается цитата из Библии, которой завершается повесть Н.С. Лескова «Очарованный странник»: «Провещания его остаются до времени в руке сокрывающего судьбы свои от умных и разумных и только иногда открывающего их младенцам» [2; 398].

В романе П.А. Храмова есть размышления, явно близкие к Библии и к мировоззрению «неукротимого ерисиарха» Н.С. Лескова. Мудрыми и разумными Христос называет людей, усвоивших ложную мудрость, а младенцами – открытых людей, с чистым сердцем, подобных детям.

Главный герой «Инока» – человек с девственной младенческой душой, которая остаётся незамутнённой, несмотря на то что она взрослеет, мужает, закаляется, сталкивается с мерзостью жизни. Герой-инок, как лесковский странник Иван Флягин, всё более и более очаровывается красотой жизни, не черствея душой, сохраняя её хрустально-чистой, отталкивая от себя всё наносное и уродливое.

Неслучайно роман начинается с мифологемы «дом», с детального описания дома, в котором поселили семью мальчика: «Ах, какой это был дом! <…> Весь деревянный (только лестница белокаменная), бревенчатый, с дивно врезанным орнаментом наличников, карнизов и балкончиков, с крутой крышей и флюгером на ней, с островерхими ажурными башенками, он как бы стремился к небесам и походил на остановившееся пламя. Он был весь розовый, а там, где облупилась розовая краска, как пепел, мерцало старое, в светло-серых ворсинках дерево» [4; 3].

А рядом с домом стоял тополь, над которым поднималась вечерами «тополиная звёздочка», названная бабушкой мальчика «вещей». К тополю герой относился как к вечному древу жизни, тополь воплощал для мальчика красоту, загадочность и непостижимость целой вселенной. Дерево стояло за садом, за которым «была рыжая глинистая гора, на горе – морг, а над моргом – тополь» [4; 7]. Перед нами яркое соединение тленного и вечного.

Тополь и дом будут стёрты с лица земли, но не забыты героем. Дерево безжалостно срубят, и символично то, что проститься с ним мальчик придёт к зданию морга, где среди

других брёвен он узнает свой мёртвый тополь. «Это было первое горе в моей жизни», – заметит автор, передавая чувства героя.

И сила переживаний мальчика огромна. Достаточно сопоставить чувства героя после смерти дедушки, когда он скажет: «Это была первая смерть в моей жизни» [4; 170-172]. Смерть дедушки воспринимается мальчиком как страшное, но всё же неизбежное и давно ожидаемое событие (дедушка долго болел), а смерть тополя для героя – это уничтожение самой жизни, её основ.

Дом в повести тоже убьют: его уничтожат позже, после войны, сравняв с землёй. Герой П.А. Храмова, придя проститься с ним, увидит «свежий асфальт и каток в углу бывшего нашего двора» и почувствует неловкость: «Странно и совестно, как всегда, когда своими глазами видишь неотвратимость смерти» [4; 223].

На наш взгляд, дом в романе писателя можно сопоставить с эдемом, а тополь – с райским садом. Ведь вечное стремление человека к красоте и гармонии связано с желанием вернуться в эдем, из которого он когда-то был изгнан.

На стыке веков, ощущая катастрофичность бытия, А.П. Чехов во многих своих произведениях будет создавать образы дома и сада, мечтая, что через сто лет земля превратится в цветущий сад и человек наконец-то станет счастливым.

Наверно, поэтому дом из романа «Инок» сравнивается П.А. Храмовым не только со сказочными «хоромами царя Салтана», «диковинным теремом», «вальтеровским замком» – в нём угадывается «совестливая и смиренная интеллигентность чеховского дома с мезонином» [4; 3-7].

Композиционный принцип, положенный в основу романа, – принцип контраста. В произведении писателя два полюса: добро и зло, вечное и сиюминутное, прекрасное и безобразное. К первому относится живая природа (небо, звёзды, река, собаки, лошади и т.п.); созданные человеком и подаренные вечности

храмы, картины; славная история России, её литература; и, конечно, родные и близкие по духу люди, с чистой, стойкой, восприимчивой, как у ребёнка, душой.

Полюс зла – это государственная система, машина тоталитаризма, извращающая, уничтожающая человека, превращающая его в жестокий «живой» механизм. В конце произведения одна из героинь скажет об этом так: «Да… рабочий класс самый реакционнейший, он ничем не связан с вечностью – ни землёй, ни собственностью, ни людьми, ни памятью… Ни своей работой: все его поделки устаревают через пять-десять лет. Класс, работающий на свалку, – отсюда психология временщиков: после нас хоть потоп… Это не крестьяне: умирать собрался, а рожь сей… Это пьяные временщики, у которых нет ничего святого… Даже отечества… Даже надежд – их заменяют автоматы… роботы… Вот они и беснуются…» [4; 223-224].

Временщики П.А. Храмова – это те же дачники, которые появились в зрелой прозе и драматургии А.П. Чехова, дачники, пришедшие на смену осёдлой жизни, дворянской усадьбе и не несущие ответственности за всё происходящее на этой земле.

В романе П.А. Храмова мы встречаем ряд философских и нравственных категорий и понятий, которым автор даёт точные определения. Когда писатель рассуждает об этих категориях, его высказывания, выводы звучат ёмко и афористично.

Приведём только самые яркие примеры таких афоризмов: «Ржавеет золото и истлевает сталь, крошится мрамор – к смерти всё готово. Всего прочнее на земле – печаль и долговечней царственное слово. Печаль. Слово. А меж ними – жизнь. Или то, что вместо неё» [4;163]; «За двадцать лет, истерев сотни подошв и кистей, я понял одно: смирение перед Божьей волей есть единственно возможная форма существования человеческой души на этой земле» [4; 155]; «Литература – это не обычный «предмет» вроде химии, а способ сохранения человеческой души и форма праведного её существования» [4; 173]; «Талант в

России воспринимается как покушение на естественный ход вещей» [4; 203]; «Грубость и хамство – это просто пароль советского человека» [4; 43] и др.

Интересны пространственно-временные особенности романа. Произведение состоит из трёх частей: в первой четырнадцать, во второй двенадцать, в третьей шестнадцать глав. В центре художественного текста – развитие и взросление светлой, божьей, детской души мальчика, чьи ощущения и оценки жизни отнюдь не кажутся наивными или незрелыми.

В начале романа герою пять-шесть лет, затем он уже первоклассник, достигает отроческого возраста, дальше перед читателем юноша, закончивший школу, и, наконец, двадцатишестилетний мужчина. Но эти «возрастные состояния» души героя даны в повести не линейно, а зачастую параллельно.

Приведём только один пример. Встретились два друга, мальчик и Стёпа, они ждут девочек Машу и Агарь, за которыми трогательно ухаживают. И вдруг, глядя на них, Степан говорит о том, что это идут их будущие вдовы. Эти слова оказались пророческими: через много лет, замечает герой-повествователь, Агарь получит похоронку на своего мужа, боевого лётчика Степана Курпея. И такие переходы от настоящего к будущему и от настоящего к прошлому растворены в тексте произведения.

Писатель нечасто, но прибегает к приёму ретроспективы. Читатель узнаёт об истории семей мальчика и его школьных друзей, правда, такие сведения фрагментарны, но это в свою очередь не мешает П.А. Храмову дать глубокую характеристику репрессированному русскому дворянству. О своих корнях, о своих бабушке и дедушке, о силе, стойкости, верности своим убеждениям и благородстве русской интеллигенции мальчик будет помнить всегда.

С детских лет он с уважением и благоговением относился и к русской культуре. Ещё в детстве бабушка прочитала внуку жизнеописания А.С. Пушкина, и после этого родной тополь

ассоциировался у мальчика с Лицейским садом, по которому то «скучно бродил, то бегал вприпрыжку родненький наш арапчонок» [4; 8].

Именно рассказ о смерти А.С. Пушкина, строки В.А. Жуковского о последних минутах жизни поэта заставили ещё маленького человека относиться к смерти далеко не по-детски. «А смерть Пушкина я по сей день воспринимаю как вообще Смерть. Да, смерть впечатлительного и благородного, великого и простого сердца превратила ужас абстрактного небытия в суть христианского прощения души» [4; 8]. Уже повзрослевший мальчик представлял себе А.С. Пушкина «жгуче-светлоглазым и смуглым, сердечно-простым и благородным, – то с усмешливо-мудрым, то с весёлым, волчьим, жизнелюбивым оскалом; он понимал всех, оставаясь никем не понятым» [4; 174].

Ещё одним ярким впечатлением детства стало посещение мальчиком и его друзьями под руководством его крёстной Елены Григорьевны музея, в котором дети впервые увидели картину своего земляка М.В. Нестерова «Видение отроку Варфоломею», вернее, её незаконченный вариант. Обратившись к этой картине, Елена Григорьевна рассказала ребятам о Сергии Радонежском, о Дмитрии Донском, о Куликовской битве, о единении Руси, о вере и Боге.

Имя А.П. Чехова практически рефреном проходит через весь роман, упоминаются многие его произведения («Вишнёвый сад», «Три сестры», «Каштанка»). И даже там, где, казалось бы, речь не идёт о писателе и его творчестве, всё равно ассоциативно мы ощущаем чеховское начало: говорится ли о русской интеллигенции, даётся ли описание дома и сада (в этих картинах сохранён и передан чеховский дух), рассказывается ли о первом путешествии мальчика, во время которого герой, как чеховский Егорушка из повести «Степь», впервые открывает для себя огромный мир, чувствуя в бескрайних просторах богатырское, мощное начало, и т.д.

Но, пожалуй, самыми интересными являются рассуждения одной из героинь романа об особой этике А.П. Чехова, которую можно охарактеризовать как «комфортный стоицизм культуры»: «Чехов – единственный наш писатель, который понимал, что дело не в социальных и общественных идеях, которые неизбежно ссорят людей, не в «направлениях», которые тоже их разобщают, а в постоянном – как жизнедеятельность живого организма – нравственном усилии» [4; 228].

Но временная категория «вечное» (славная история России, её литература, живопись, храмы и т.д.) сопряжена в тексте романа с категориями, понятиями и именами общественно-политической жизни: тоталитарная система, классовая вражда, вожди советского государства (Ленин, Сталин, Хрущёв), культ личности и т.п. Даже дети вовлечены во взрослые политические игры: они рассуждают, спорят, высказывают своё отношение к поверженному кумиру Сталину и новому «пророку» Хрущёву.

Вот диалог главного героя и его верного друга, девочки Маши, в которую мальчик был влюблён с первой их встречи: «Михална, – сказал я назидательно, – товарищ Сталин был гораздо сложнее, чем представлялось это колхозным добродетелям блаженного Никиты».

Маша сменила тон: «Да. Но этот юродивый реабилитировал и твоего, и моего дедушку».

Я вздохнул <…>, сказал уже вслух с раздражением: «Пойми же, Маша, Сталин был точно по размеру нашего народа. Его любили и любят под стать его подлости, его холопства, его зависти, чудовищной его жестокости, по точным размерам примитивнейшей его «справедливости».

Невидящим взглядом Маша посмотрела окрест и спросила меня простенько: «А народ всегда был таким?».

Я задумался. И тогда, и сейчас» [4; 94].

И всё же центром автобиографического романа П.А. Храмова являются не политические события, историческое

прошлое и настоящее России, а люди с живыми и мёртвыми душами. И те, и другие поражают своей полнотой и точностью изображения. Великая литература XIX века подарила миру женские образы, в каждом из которых воплотилось представление русского художника об истинной красоте женской души. На наш взгляд, и П.А. Храмову удалось внести свой неповторимый вклад в создание вечных женских образов.

В произведении целая галерея ярких женских характеров. Среди них особо выделяются образы бабушки и Маши. Они для героя – воплощение истинной, непостижимой силы духа, чистоты помыслов, верности своим убеждениям и целомудрия.

«Такой же постоянной, как река, и изменчивой, как её состояние, была моя бабушка – русская дворянка, с крепкими мужицкими руками, молчаливая, твёрдая, светлоглазая, невероятно впечатлительная, до смешного самостоятельная и до странности добрая» [4; 4].

Бабушка всегда была для своего внука верным другом, примером глубоко образованного человека и настоящей интеллигентности. Она всей душой верила в то, что на хамство и злобу нужно и можно отвечать только добром.

«Кроткая и чуткая Маша характер имела вполне русский – несокрушимый, как у боярыни Морозовой» [4; 121]. Именно в Маше, с которой главный герой романа познакомился ещё в первом классе, мальчик почувствовал родственную душу, способную на самоотверженную помощь, понимание и сострадание. Безусловно, характеры бабушки и Маши получились у П.А. Храмова наиболее цельными и яркими.

Нельзя не обратить внимание ещё на некоторые особенности романа «Инок»: во-первых, пейзажные зарисовки, в которых чувствуется мастерство писателя-живописца, художника (точно передан цвет, положены тени, расположены детали пейзажа и т.д.), а во-вторых, тонкий юмор, иронию автора.

Приведём только один пример. На «кумачовом предначертании» мальчик прочёл: «Под знаменем Маркса – Ленина – Сталина и товарища Минжуренко У.К. – вперёд к победе коммунизма!». Оказалось, что Минжуренко У.К., который был почему-то указан на лозунге рядом с великими вождями, – партработник районного масштаба. «Дня через два всё разъяснилось: сам товарищ Минжуренко У.К., прибывший в колхоз для воодушевления, прочитал лозунг и сказал колхозным вождям с укоризной, но всепрощающей мягкостью: «Нельзя же так, товарищи, вы про Энгельса забыли» [4; 141].

Отметим также образ героя-повествователя, который выступает в тексте то тонким, внимательным созерцателем природы, то философом, чьи размышления о жизни опираются на вечные христианские истины, то безжалостным критиком уродливых явлений действительности. Более же всего поражает в храмовском герое твёрдая гражданская позиция, его убеждения, которым может позавидовать современный бесхребетный человек – человек безвременья.

В статье «Хрустальный крест» П.И. Фёдоров пишет: «С истинным христианским смирением П. Храмов рисует в своём романе не ужасы сталинизма, а веру людей, помогавшую выжить в нечеловеческих условиях. В отличие от многих современных писателей он чётко фиксирует борьбу Добра со Злом в окружающем мире и душах своих героев. Решающую роль играет <…> глубинное соответствие его произведения религиозно-нравственным традициям русской культуры» [3; 84].

Имя П.А. Храмова стоит особняком в уфимской литературе. Его исповедально-биографический роман несколько десятилетий шёл к своему читателю. Он был опубликован в 2007 году (Санкт-Петербург), а затем подготовлен к печати издательством «Китап» (Уфа) в 2012 году.

«Инок» – одно из лучших автобиографических произведений, которое можно смело поставить в один ряд с

автобиографической прозой, ставшей классикой: повестью С.Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука», трилогией Л.Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность», трилогией А.М. Горького «Детство», «В людях», «Мои университеты», повестью М. Карима «Долгое-долгое детство».

П.А. Храмов создаёт роман, который одновременно вбирает в себя черты исповеди, автобиографического и символико-философского произведения. Уфимский писатель является прототипом своего героя, сохраняющего мировосприятие и маленького, и взрослого человека; героя, который не только рассказывает историю своей жизни, но и даёт оценку своим действиям и поступкам, раскрывая глубину своего внутреннего мира.

Поэтому связь «автор – читатель» в романе «Инок» не так прямолинейна, как в строго документальной автобиографии, а становится более сложной: «автор – образ – читатель», особенно по мере роста и развития центрального персонажа романа.

На протяжении всего произведения, сохраняя исповедальный тон повествования, писатель не разрывает «ленту» воспоминаний, все события плавно вливаются в русло творческой задачи автора, служат естественным подтверждением его взглядов на жизнь, на судьбы мыслящей не так, как все, личности в трудное для России военное и послевоенное время, время сталинских репрессий и хрущёвской оттепели.

Именно поэтому в центральных образах, создаваемых автором, совмещено два плана: сюжетно-конкретный и символико-философский. Символико-философский подтекст расширяет хронологические границы романа «Инок», позволяя оперировать автору такими временными категориями, как прошлое, настоящее, будущее и вечное.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Современная версия / В. И. Даль. – М. : ЗАО Изд-во Эксмо-Пресс, 2000. – 736 с.
2. Лесков Н. С. Очарованный странник / Н. С. Лесков. Собр. соч.: в 6 т. Т. 5 : Повести и рассказы / Н. С. Лесков. – М. : АО «Экран», 1993. – 396 с.
3. Фёдоров П. И. Русская проза Уфы: прошлое, настоящее, будущее / П. И. Фёдоров // Бельские просторы. – 2013. – № 12. – С. 36–41.
4. Храмов П. А. Инок: роман / П. А. Храмов. – Уфа : Китап, 2012. – 256 с.

II

ОБРАЗЫ РОМАНА «ИНОК»

Д. С. Алмашева

ОБРАЗ МАШИ МИРОНОВОЙ – ГЕРОИНИ РОМАНА П.А. ХРАМОВА «ИНОК»

Образ Маши – один из центральных в романе Петра Храмова «Инок». Уфимский писатель создаёт его с помощью следующих приёмов создания художественного образа: портрета, в том числе ярких портретных деталей, поступков, речи, мировоззрения персонажа. Мы видим Машу Миронову, а её зовут именно так, как пушкинскую героиню, вначале маленькой шестилетней девочкой, затем подростком и, наконец, взрослой девушкой, которую беззаветно любит главный герой храмовского романа.

Аналогия имён пушкинской и храмовской героинь, конечно, далеко не случайна. Как и в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина, Маша из романа «Инок» – преданный, верный, глубоко порядочный человек, поражающий читателя стойкостью и гармонией души.

Сопоставим портретные характеристики главной героини, которые уфимский автор последовательно даёт в произведении, и проследим за тем, как меняется внешний и внутренний облик Маши. Первое знакомство главного героя с ней произошло в школьном дворе первого сентября, где она «потерянно бродила, глядя в землю и держа в руке несколько обтрепанных стебельков». Вот какой видит эту хрупкую девочку герой (такой же шестилетний ребёнок, как и она) – «это маленькая девочка из первого "Г" класса» с жёлтенькими глазами, не темными, но и не светлыми ресницами, с маленькой фигуркой, круглым личиком и тоненькой шейкой» [5; 48].

В отроческом возрасте она становится более женственной, рассказчик отмечает: «Маша изменилась, и прическа у нее

другая, да и подросла она, наверное, но не это меня удивило – ее состояние показывало, что у Машеньки есть какая-то другая, не похожая на школьную, жизнь. В школе Маша была послушной, вежливой девочкой – обычно она кого-нибудь прилежно слушала, внимательно рассматривала какой-нибудь стенд или молчаливо и большеглазо дивилась, как бегают ребята, идут дождики, кружится снег. Сейчас я впервые увидел Машу внимающей не миру, а себе». Особенно непривычно было видеть «ее голову без челки – гладко причесанную, крутолобую, с косичкой» [5; 66].

Как пишет рассказчик, образ Маши со временем «мерк из-за влаги нелепой растроганности и, главное, из-за ослепительности кружевного воротничка, манжет, гамаш, повязки с красным бантиком и совсем уж чудовищной белизны аж двух бантиков. И черный ее передничек мерцал как уголь-антрацит. И галстук еще пылал. Шелковый». Все эти изменения в Маше, герой-рассказчик объясняет просто: «Маша начала взрослеть» [3; 35].

Он восхищен ею: «Маленькая и тихая, добрая и простая. Она не такая как все – она хорошая». Героя удивляет и необыкновенность детски-девичьей ручки: «Крохотная, тоненько-пухленькая Машина ручка произвела на меня мимолетное, но очень сильное впечатление» [5; 51].

Повествователю становится важно присутствие Маши, ее мнение, поддержка и даже просто одобрение. Он часто спрашивает себя: «А как бы Маша отнеслась ко всему этому?» [5; 59]. Так между ними завязывается настоящая дружба, самая «чистая и товарищеская», как отмечает главный герой.

Маша росла, а вместе с ней – и ее удивительная загадка: «к маленькой Маше привыкать было не нужно, а вот к Маше растущей и расцветающей привыкать приходилось чуть ли не каждый год» [5; 56]. Рассказчика поражает ее опасливое и тихо-цветущее приличие, но при этом он отмечает, что Маша была «обыкновенной девушкой с очень простым лицом».

Повзрослев, главная героиня становится все более серьезной, во взгляде появляется гордость: «Ее желтенькие глаза остались прежними, только став более внимательными, а речь приобрела таинственную замедленность» [5; 72].

Основные черты характера центральной героини романа раскрываются и в её поступках. Ее редкостная горячность проявлялась в неожиданном встревании в разговор, а спокойствие и покорность – в «тихом молчании». Несмотря на это, «кроткая и чуткая Маша характер имела вполне русский – несокрушимый, как у боярыни Морозовой. Недаром она, еще первоклассницей, превратила в веник букет цветов, обтрепав его о собачку, посягнувшую на ее безопасность и независимость» [3; 38].

Об ответственности и исполнительности Маши мы узнаем через ее речь: «сегодня в восемь вечера читаем со страницы 182 до без пятнадцати девять» [4; 23].

Мы видим Машу воспитанной и послушной девочкой, к которой домочадцы относятся с большой требовательностью: «Ма-ри-я! Ты же де-воч-ка» [3; 44]. Маше так часто и так строго внушали «ты же девочка», что ей впоследствии не пришлось выслушивать «ты же девушка», – во всем этом она разобралась сама, причем так талантливо, что на нее, в общем-то не яркую и не улыбчивую, часто оборачивались на улице.

Среди своих друзей Маша ведет себя серьезнее и взрослее, чем остальные ребята: «хотя нам всем было по одиннадцать лет, Маша выглядела старше и удивляла нас порою повадками вполне девичьими. Так, она решительно отказалась катить на «велике» и уж тем более бежать за ним «язык высуня». «Вы че?» – урезвонила она нас медленным взглядом почти взрослой девушки» [4; 39].

Несомненно, Маша Миронова – героиня со стойким характером, который не изменяется у нее до конца жизни. Она уже с детства отличается от своих сверстников умом,

глубоким, проникновенным пониманием окружающей действительности: «Маша сказала с простой и товарищеской серьезностью, что во всей Библии, а в Ветхом Завете особенно, на женщину смотрят как на продолжательницу рода человеческого <…> Я стоял и не давал воли своему восхищению… Агарь изображала преувеличенное внимание, Степа же смотрел в окно, задумавшись» [5; 67].

Становится понятно, почему такая девочка вызывала восхищение у главного героя. Он воспринимает Машу как необыкновенное существо, наделённое теми качествами, которыми обладают только редкие люди.

Как отмечает П.И. Федоров в своей статье «Хрустальный крест», посвященной роману П. Храмова «Инок», «весь образ Маши пронизан христианскими мотивами кротости, взаимной любви и сострадания» [2; 85].

Показателен в этом плане эпизод, когда Маша торжественно вносит тарелочку с одним-единственным пирожком: «Вот это я сама испекла и лепила, – и тихо добавила: – Это тебе, – и чуть погромче: – Горячий». А сзади неё, за окном, две высокие снежные шапки на заборе, казалось, склонились друг к другу и к каждому её плечику. Множество раз вспоминал я впоследствии эту картину, и постепенно, сквозь этот уже сон бытия, стали просвечивать реалии рублёвской «Троицы» [2; 86].

Маша – это героиня, у которой есть своя позиция, свой неповторимый взгляд на жизнь и людей. Так, ёмкие и глубокие характеристики она даёт рабочему классу, относя его классу временщиков: «Да… рабочий класс самый реакционный, он ничем не связан с вечностью – ни землей, ни собственностью, ни людьми, ни памятью… Ни своей работой – все его поделки устаревают через пять-десять лет. Класс, работающий на свалку, – отсюда психология временщиков: после нас хоть потоп… Это не крестьяне: умирать собрался, а рожь сей… Это временщики, у которых

ничего нет святого… Даже отечества… Даже надежд – их заменяют автоматы… роботы… Вот они и беснуются…» – говорила Маша всё это в первый раз, но как давным-давно продуманное и взвешенное, – говорила, имея перед глазами наглядное доказательство своим словам».

Характеризующее значение для нее самой имеют рассуждения героини об особой этике А.П. Чехова, которую можно охарактеризовать как «комфортный стоицизм культуры». «Чехов – единственный наш писатель, который понимал, что дело не в социальных и общественных идеях, которые неизбежно ссорят людей, не в «направлениях», которые тоже их разобщают, а в постоянном – как жизнедеятельность живого организма – нравственном усилии» [1; 118].

Не случайно, став лучшим другом, товарищем и советчиком для центрального героя романа «Инок», Маша Миронова оставила в его памяти и в сердце незабываемый след, любовь к ней он пронёс через всю свою жизнь.

В отечественной литературе немало пленительных, ярких, цельных женских образов, которые воплощают идеал русской женщины. Это бедная Лиза, Татьяна Ларина, Катерина Кабанова, Соня Мармеладова, Наташа Ростова и другие любимые героини русских писателей-классиков. Маша Миронова – героиня романа Петра Храмова, несомненно, дополняет этот замечательный ряд прекрасных женских образов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прокофьева И.О. Художественное своеобразие исповедально-биографической повести Петра Храмова «Инок»: // Бельские просторы. – 2013. – №12. – С. 181.

2. Федоров П.И. Хрустальный крест: [о романе-воспоминании П. Храмова «Инок»] // Бельские просторы. – 2011. – №1. – С. 83-88.

3. Храмов П.А. Инок: роман-воспоминание // Бельские просторы. – 2008. – №9. – С. 11-44; №10. – С. 24-52.
4. Храмов П.А. Инок: роман. Ч. 2 // Бельские просторы. – 2009. – №10. – С. 9-29; № 11. – С. 8-33.
5. Храмов П.А. Инок: роман. Ч. 3 // Бельские просторы. – 2011. – №1. – С. 34-76.

А. С. Пирогова

ОБРАЗ МАТЕРИ В РОМАНЕ П.А. ХРАМОВА «ИНОК»

В автобиографическом произведении Петра Алексеевича Храмова представлена целая галерея женских образов: это бабушка, Маша, Елена Григорьевна, (крестная главного героя), Нагима Асхатовна (соседка, чьей красотой был пленён маленький мальчик) и, конечно же, святой для каждого человека образ матери. Он занимает важное место в системе персонажей произведения уфимского писателя.

Читая его, мы видим мир глазами главного героя, который предстает перед читателем «то мальчиком, то подростком, то молодым человеком, то зрелым и мудрым мужчиной» [2; 39]. Уважение и любовь к матери герой пронес через всю жизнь, хотя и демонстрировал по отношению к ней некоторую отстранённость и сдержанность. Более близкие и тонкие духовные нити связывали его с бабушкой и, конечно же, с Машей, девочкой, с которой он познакомился, будучи ещё первоклассником.

Показателен в этом плане эпизод, в котором мальчик, покупает только два петушка – бабушке и себе и, будучи уличенным в этой несправедливости продавщицей, с детской наивностью уверяет, что он не забыл о матери, просто она не оценит его поступок. Если бабушка будет рада его искреннему порыву, то мать увидит в нем только нерациональную трату денег на «вредную» сладость.

По сравнению с бабушкой и Машей, главными героинями произведения, образ матери как бы находится на втором плане, но и он создан с помощью ярких многократно повторяющихся деталей, которые включают его в исторический контекст.

Так, подчеркивается, что она крайне осторожна. Мать – единственный человек в семье, который прежде всего думает о безопасности, она лучше, чем другие её близкие и родные умеет скрывать свои настоящие чувства и мысли, чтобы приспособиться к законам жестокого времени. Этому умению ее научила жизнь: «Мама положила тетради и перекрестилась. Я впервые видел, чтобы она при мне осенила себя крестным знамением. Да, перекреститься – совершить тысячелетний жест предков – можно было лишь втайне от доверчивого простодушия собственных детей» [1; 20].

В молодости она тоже бунтовала: участвовала в нудистском марше протеста, отказалась после замужества менять фамилию репрессированного отца и т.д. Но став зрелой женщиной, выйдя замуж, родив сына, заботясь о близких, она невольно приобрела осторожность. Именно поэтому она перевесила алфавит, составленный бабушкой, где под буквой «Г» был слово «Государь», а под «А» – «Ангел», за печку, подальше от любопытных глаз, способных навредить ее семье. Но за этой маской, которая должна была скрывать её настоящее лицо, таился гордый и непримиримый характер, такой же, как у бабушки.

Облик этой героини постепенно складывается из ряда лаконичных деталей и характеристик: «Мама, по-учительски сложив руки на груди…», «…мама скрутила какую-то физическую таблицу и умчалась, попрощавшись уже за дверью» [1; 45]. Герой-повествователь относится к матери с неизменной любовью и уважением, хотя и проявляет некоторую отчужденность, считая, что только он, бабушка и Маша лучше разбираются в жизни по сравнению со всеми остальными людьми.

Действительно, именно эти персонажи в романе воплощают в себе высокое, духовное начало. Мать же – более земной человек, вынужденный мириться со всеми несправедливостями

реального мира, так как на её плечах – тяжёлая обязанность заботиться о пропитании и жилище для своей семьи, пока её муж, отец мальчика, находится на фронте. Поэтому в ней, несмотря на бунтарский характер, живёт страх, вызванный тем, что любого члена семьи могут арестовать, посадить в тюрьму, отправить в лагерь, как её репрессированного отца.

Об этом свидетельствует эпизод с крещением мальчика: «Мама спросила, не видел ли нас кто, – она боялась, что сознательные граждане донесут «о религиозных предрассудках» и у нее будут неприятности в школе и техникуме, где она работала по совместительству» [1; 67].

В образе матери преимущественными являются детали, связанные с её профессиональной деятельностью в качестве школьного учителя: «Тут с горы стремительно сбежала моя мама – у нее было «окно» в расписании, и она забежала домой перекусить. Моментально во всем разобравшись и передав мне стопку тетрадей, мама поздравила молодых – невесту поцеловала, жениха потрогала по погону». «…мама скрутила какую-то физическую таблицу и умчалась, попрощавшись уже за дверью». «Мама села за свои тетради, я же залез на печку, тихонько разделся, позвал ее и бабушку и, демонстрируя новенькое, ладненькое, ослепительное белье, исполнил то, что казалось мне пляскою» [1; 40].

Она как будто живет на бегу. Работа, дом – круг её повседневных забот. Но герой-повествователь с пониманием и сочувствием, продиктованным любовью, относится к матери, не требуя внимания к себе, каким-то недетским чутьем понимая её.

У матери твёрдый и стойкий характер. Несмотря на то, что она практически всегда на работе, и по большей части воспитанием сына занимается бабушка, мальчик ее беспрекословно слушается и способен все понять по одному

взгляду матери: «…мама с назидательно-вопросительным бесстрастием повела на меня взором…» [1; 56].

Так перед читателем возникает образ сильной и волевой женщины. Но она способна и на сочувствие, преданность и женскую солидарность. Мать поддерживает свою подругу Елену Григорьевну, осуждая её мужа, который бросил жену: «Мама моя стала ее утешать, хоть и сама была сильно расстроена, да и знобило ее сильно, ежилась она над тетрадками в двух шалях, своей и бабушкиной». «Мама с Еленой Григорьевной сидели на порожке обнявшись и, соединившись головами, тихо пели: «Как бы мне, рябине, к дубу перебраться – я б тогда не стала гнуться и качаться» [1; 47].

Мать мальчика – это героиня, которая редко проявляет свои эмоции, больше держит их в себе: «Радио еще раз передало весть о падении Берлина, и мы еще раз захлопали в ладоши, а мама слабенько крикнула: «Ура!». Она потом долго бормотала вроде бы про себя: «Ну, конец войне, конец», – и улыбалась странной улыбкой». «Мама первая встрепенулась от едва слышных позывных московского радио: «Широ-ка стра-на моя род-на-я». Мама сидела, приложив ладошку к губам, и медленно-медленно раскачивалась».

Пожалуй, только в одном фрагменте романа она не скрывает своих чувств. Это эпизод, в котором описывается возвращение ее мужа с фронта. Здесь постоянная сдержанность сменяется неподдельным волнением: «Я проснулся среди ночи. Бабушка, голосом встревоженным и строгим допрашивала кого-то через дверь, но открывать ее не спешила. «Да ведь это же Леша», – внезапно вскрикнула мама и стала торопливо одеваться. «Отец пришел!» – и меня разом пронзили два неуживчивых чувства – радости и неловкости» [1; 51].

Безусловно, образ мамы в романе П.А. Храмова «Инок» неоднозначен. Несмотря на то, что духовно герой-повествователь ближе к бабушке, он через весь роман

проносит «скромную любовь к своей матери». Ее образ для него также свят, как образ бабушки и Маши. Став зрелым человеком, он скажет: «Странно, но много лет спустя мне припомнилось детское ощущение, когда умерла моя мать, и молчаливо недоуменные судороги души вроде бы слегка утихли, когда я позволил себе допустить, что душа ее не просто жива, а какими-то немыслимыми для меня путями все обо мне знает – знает и за меня молится. Пусть я ее никогда не увижу, но то, что она обо мне знает, делало жизнь не безнадежною, и стоило жить, чтобы продлить наджизненное материнское заступничество» [1; 84].

Эти слова во многом определяют место и значение образа матери в произведении уфимского автора, хотя, как нам кажется, главному герою не удалось до конца разгадать и осознать загадку ее сильного характера. Скорее, он просто принимал её такой, какая она есть, с любовью и уважением преданного сына.

ЛИТЕРАТУРА

1. Храмов П.А. Инок: роман. Уфа: Китап, 2012. 256 с.
2. Прокофьева И.О. Художественное своеобразие исповедально-биографической повести Петра Храмова «Инок» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013, № 11. С. 39-43.

III

РОМАН «ИНОК» В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

В. В. Борисова

РОМАН П.А. ХРАМОВА «ИНОК»: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке
РГНФ и АН Республики Башкортостан
в рамках научного проекта № 15-14-02001
«Современная русскоязычная литература Башкортостана:
региональные и типологические аспекты изучения».

Сегодня роман П. А. Храмова «Инок» (2008г.) как одно из лучших произведений современной русскоязычной прозы Башкортостана читается, обсуждается в студенческих аудиториях и на школьных уроках.

В данной статье представлен опыт его изучения на семинаре для учителей. Занятие было проведено в форме мастер-класса в так называемой «Педагогической мастерской» с использованием современной образовательной технологии «Мастерская построения знаний и ценностных ориентаций». Эта форма обучения создает условия для восхождения учащихся к новому знанию и опыту путем самостоятельного или коллективного открытия. В ее основе лежит диалог (в парах, группах, с классом), способствующий развитию коммуникативной и метапредметной компетентности обучающихся.

Цель занятия:

формирование умений

– соотносить контекстуальные знания с содержанием и поэтикой литературного произведения,

– выявлять роль авторских приемов в художественном тексте,

– писать сочинение в формате ГИА.

Задачи:

– реализация технологии критического мышления на основе анализа художественного текста (определение его проблематики, авторской позиции, поиск и комментарий литературных и исторических параллелей).

Логика работы на первом этапе определяется вопросами и заданиями, направляющими движение читательской мысли от контекста к тексту произведения. Контекст восприятия и понимания романа формируется в процессе выполнения групповых заданий. Группы учащихся называют авторов и произведения, связанные, во-первых, с традицией изображения народа в русской литературе, во-вторых, с образами «четвероногих братьев», в-третьих, с образом русской интеллигенции; в-четвертых, с мотивом детской совести.

На втором этапе работы решается проблема функционирования выявленного литературного контекста в романе П. Храмова «Инок». Для анализа и интерпретации предлагается следующий фрагмент произведения:

«*Рядом с высоким, стройным и розовым нашим теремом распласталась похожая на барак лесопилка – организация весьма разнообразная: от работников – мрачная, от пил – звонкая, от опилок и стружек – пахучая. Сырье для этого предприятия приплывало по Белой в виде бесконечно длинных плотов и доставлялось под пилы способом совершенно варварским. Несколько бревен связывалось цепью, и две лошади по бокам их тащили «долготье» вверх по довольно крутой горе. Связку из трех бревен лошади влекли споро и даже хвостами помахивали от возбуждения, хотя упирались, конечно, и шеи выгибали с напряжением. Так бы работать и работать, но нет. Погонщики лошадей, как и все нетерпеливые натуры, воображение имели извращенное и мятежное: почти постоянно будучи «выпимши», они наивно полагали, что чем больше связать бревен и чем страшнее погонять лошадей, тем работа пойдет успешнее. Укреплял их в этом заблуждении и парторг лесопилки, человек*

нечеловеческой энергии, словом своим пролетарским, страстью своей партийною. «Больше связывать бьевен и стъоже с этими клячами, бить их и бить, и план, и план, а вам, товаищи, – пьемиальные», – скандировал он, за чудовищным неимением времени справляя малую нужду тут же, на берегу, даже не отворачиваясь.

Угрюмые погонщики безнадежно смотрели на его срам, мысленно сопрягая его вид с будущими своими дивидендами. Повинуясь воле партии и химерам своего невежества, мужики-фантазеры связывали вместе пять, семь и даже девять бревен. Мат и побои увеличивались соответственно. При девяти бревнах лошади явно надрывались, но погонщики гнали и гнали их вверх похабными воплями и истязаниями.

Господи, как же они их били: мученически вытягивая шеи и тыкаясь губами в грязь, лошади падали на колени, а потом валились набок в конвульсиях, хрипели, их кроткие глаза выкатывались и, глядя в одну точку, замирали в горестном и недвижном недоумении. Тут погонщики с «широким русским надрывом» картинно бросали оземь кнуты и, матерясь до пены, ее, лежащую, избивали уже сапогами, светясь особым, пролетарским сладострастием. А она, не владея уже телом, вздрагивала только кожей, и отрешенный ее взор, вроде бы намекая на мольбу, по-прежнему оставался неподвижным, даже когда появлялась кровь.

Сердце мое разрывалось: я мучился не меньше четвероногих своих братьев. Ведь это ясно как день: три раза по три бревна гораздо быстрее, чем один раз по девять бревен. «Так же быстрее», – говорила бабушка истязателям, показывая на отвергнутую связку из трех бревен. «Просто быстрее», – повторяла и повторяла она с нервическим подергиванием головы и, нелепо, смешно и жалко сжимая мощные свои ладони, умоляюще глядела на стоящих животных, опасаясь глянуть на распластанное живое существо. Засуетилась. Потерялась.

Отчаялась. Наконец взяла себя в руки, успокоилась и вместе с одним пожилым башкиром с трудом помогла лошади встать на ноги. И та стояла, родимая, пошатываясь, растопырив ноги, в крови, сначала низко-низко опустив голову, а потом подняла ее, слабо помаргивая и как бы ища точку опоры.

Как я понял позже, зрелище это было весьма символическим: бабушка стояла перед «народом», просто-таки олицетворяя трагедию русской интеллигенции: в шляпке (нарочито барской), в черном, «еще из Ростова», штопаном-перештопаном английском костюме, таковых же «счастливых» перчатках, в пенсне, с завитым маленьким локончиком около большого уха – потерянным изумлением перед бессмысленной жестокостью и родственным состраданием к живому существу. На глаза ее навертывались слезы бессилия – ее было жалко не меньше лошадей. Она говорила с «народом» о добре. О господи! Меня почти до озноба трогали ее деликатное заступничество, вежливая попытка ее лицемерия: «Вы же советские люди», ее верность своему классу в чувствах, поступках, манерах, даже в облике своем, для окружающих чуждом и нелепом, «не нашем» [3; 10-11].

Этот фрагмент текста в силу своей концептуальности дает возможность целостного осмысления всего произведения. Прежде всего анализируется его система персонажей, представленная в данном случае мужиками-погонщиками, парторгом, лошадью, бабушкой и рассказчиком, в своем сознании соединяющем две субъектно-речевые точки зрения: ребенка и взрослого человека, вспоминающего события из детства.

В коллективном образе мужиков-погонщиков чрезвычайно значимы символические детали, характеризующие их безудержную стихийную жестокость: *нетерпеливые натуры, извращенное и мятежное воображение, «выпимши», мат и побои, похабные вопли и истязания.* Здесь проявляется одна из

крайностей «широкого» национального характера русского народа, давно отмеченная отечественными писателями и философами. Так, в выражении «мужики-фантазеры» слышен отзвук высказывания Свидригайлова из «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского: «Русские люди вообще широкие люди <…> и чрезвычайно склонны к фантастическому, к беспорядочному» [1; 378].

Другая ключевая фраза из приведенного фрагмента содержит, на наш взгляд, контаминацию разных граней в традиции изображения русского народа отечественными писателями-классиками – от Достоевского до Андрея Платонова: *Тут погонщики с «широким русским надрывом» картинно бросали оземь кнуты и, матерясь до пены, ее, лежащую, избивали уже сапогами, светясь особым, пролетарским сладострастием* [3;11].

С одной стороны, здесь видна почти прямая цитация «Достоевского *надрыва»,* предполагающего *«*такое эмоциональное состояние, когда человек не справляется со своими чувствами: эмоции либо захлестывают его, заставляя забыть о мере и вкусе, а то и о приличиях, либо, напротив, оказываются вымученными и нарочитыми» *[2; 249].* Именно Достоевский насытил слово «надрыв» богатством смысловых оттенков и ассоциаций, сделал его ключевым в романе «Братья Карамазовы», введя в названия глав четвертой книги второй части «Надрывы» (глава 5 «Надрыв в гостиной», глава 6 «Надрыв в избе», глава 7 «И на чистом воздухе»). В тексте Петра Храмова оно дополняется словосочетанием «пролетарское сладострастие», созданным уже автором «Чевенгура» и «Котлована».

Проведенный интертекстуальный и лингвокультурологический анализ текста дает возможность постановки другого важного вопроса «Какие ассоциации вызывает по-разному написанное слово: *народ* и *«народ»?* Одним из результатов обсуждения может стать вывод о скрытой

амбивалентности изображения народа в произведении уфимского писателя, подметившего в его характере наряду с нетерпеливостью и надрывом угрюмый протест и сознание греха: «*Угрюмые погонщики безнадежно смотрели на его срам, мысленно сопрягая его вид с будущими своими дивидендами».* Перифразы «срам» и «дивиденды» в данном случае контекстуально связаны с распространенной частушкой: «Хочешь сей, а хочешь…».

В конечном счете, можно сделать вывод о том, что образ мужиков в романе Петра Храмова – это органичное проявление той традиции, которая в русской классической литературе и философии шла от изображения народа-богоносца к изображению народа-богоборца.

Образ парторга, укреплявшего мужиков-погонщиков в их заблуждении, также вполне вписывается в контекст произведений А. Платонова вплоть до имитации их сказового ритма, поддержанного в данном примере двойной инверсией: «*словом своим пролетарским, страстью своей партийною».*

Особое место в тексте П. Храмова занимают образы лошадей, вызывающих в памяти как соответствующие стихотворения Н. А. Некрасова и В. В. Маяковского («Под жестокой рукой человека…»; «Хорошее отношение к лошадям»), так и первый сон Раскольникова, поражающий контрастом между крайней жестокостью и сочувствием к страдающему животному, которое, подобно герою Достоевского, демонстрирует ребёнок в романе «Инок». Он сначала плюнул в лицо парторга лесопилки, а потом с остервенением «*рвал, кусал, царапал ненавистную и подлую тварь*» [3; 92].

Анализ отмеченных аллюзий и реминисценций способствует, с одной стороны, обобщению представлений об образах «братьев наших меньших» в русской классической литературе, с другой стороны, подтверждает укорененность романа «Инок» в почве ее лучших традиций.

Олицетворением дореволюционной русской интеллигенции в произведении П. Храмова является образ бабушки. В ее портрете конкретные детали приобретают особенное значение: *«зрелище это было весьма символическим: бабушка стояла перед «народом»;* «*с нервическим подергиванием головы и, нелепо, смешно и жалко сжимая мощные свои ладони, умоляюще глядела на стоящих животных…».*

Для понимания роли главных образов произведения важно адекватное истолкование ключевой фразы: «*Она говорила с «народом» о добре*». Конечно, эта горько-ироническая фраза исходит не из детских уст, являясь, по сути, выражением авторского осмысления растянутых в историческом времени трагических взаимоотношений народа и русской интеллигенции.

Поэтому в ходе анализа необходимо подчеркивать, что все образы преломляются в детском восприятии, осложненном и дополненном взрослой рефлексией. Оно в высшей степени экспрессивно, что отражается в особенностях речи *(«Господи, как же они их били…»; «Сердце мое разрывалось…»),* сохраняющей острую реакцию детской души на чужое страдание.

В соответствии с целями и задачами подготовки учащихся к сочинению-рассуждению в формате ЕГЭ по русскому языку на занятии определяется проблематика романа П. Храмова, особенности выражения его авторской позиции. Комментируются следующие проблемы:

– проблема отношения к народу (Каков характер российского народа?)

– проблема нравственного самоопределения героя-рассказчика (Как происходит духовное становление ребенка?)

– проблема выбора жизненных ценностей (Какие ценности нужно защищать?).

И, наконец, итогом всего обсуждения романа П.А. Храмова «Инок» становится осмысление и решение проблемы авторской позиции, в которой проявляется и непосредственность детских

переживаний, и опыт взрослой жизни: «Как я понял позже…». Как мы видим, в сознании писателя закрепилась эмблематическая картина «встречи» десакрализованного российского народа и уже бессильной ему противостоять русской интеллигенции. Через восклицание «О Господи!» автор подводит финал их взаимной трагедии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 6. Преступление и наказание. – Л.: Наука, 1973.
2. Левонтина И. Б. «Достоевский надрыв» //Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. Сборник статей. – М.: Языки славянской культуры, 2005.
3. Храмов П. А. Инок: роман. – Уфа: Китап, 2012.

Т. В. Глухова

РОМАН ПЕТРА ХРАМОВА «ИНОК» КАК ИСТОЧНИК АРГУМЕНТОВ ДЛЯ ЭКЗАМЕНАЦИОННОГО СОЧИНЕНИЯ В 11 КЛАССЕ

Перед современным учителем русского языка и литературы стоит ряд важных и очень непростых задач: во-первых, познакомить учащихся с произведениями русских и зарубежных писателей; во-вторых, научить вдумчиво их читать; в-третьих, сформировать у школьников умение анализировать художественный текст и выражать к нему свое отношение, объективированное через рефлексию идейно-эстетического содержания, понимание авторского замысла.

К сожалению, объем и список программных произведений по литературе не позволяет надеяться на то, что все они будут прочитаны. Поэтому целесообразно учитывать сложившуюся ситуацию и искать эффективные методики, помогающие соединить педагогическую необходимость изучить этот программный материал и реальность, отражающую нежелание школьников читать.

Одним из оптимальных вариантов такой методики могут служить интегрированные уроки русского языка и литературы, посвященные подготовке к написанию сочинения в рамках ЕГЭ по русскому языку.

Обсуждение образцовых текстов, анализ языковых средств делает для ученика понятной причину, по которой следует изучать русский язык в сопряжении с литературой. Практика показывает, что интенсивные занятия по анализу художественного текста дают колоссальный качественный скачок учеников в освоении и грамматики, и орфографии, и программы

по литературе, а также формируют прочный навык писать сочинения и изложения.

Как известно, сочинение – наиболее трудное для большинства учащихся аттестационное задание, поскольку оно проверяет целый комплекс умений, связанных с пониманием и трансформацией исходного текста, а также выражением собственного мнения по одной из его проблем и изложением аргументов, соотнесенных с идеей данного текста.

В связи с этим перед учителем-словесником стоит сложная задача – перестроить работу с текстом как на уроках русского языка, так и литературы, учитывая требования к аттестационному сочинению в рамках ЕГЭ по русскому языку.

Важнейшим условием эффективной подготовки школьников к написанию сочинения является создание банка аргументов по основным философским, нравственным и социальным проблемам. Самостоятельно собранный учениками банк аргументов, а также их сопоставление с текстами для ЕГЭ по русскому языку будет большим подспорьем при написании сочинения.

В этом случае можно говорить о полифункциональности собранных текстов: один и тот же текст может использоваться как на уроках русского языка (при подготовке к ЕГЭ), так и на уроках литературы. В любом случае такие уроки приобретут интегрированный характер, они станут «взаимопроникаемыми»: работа над сочинением будет строиться на основе формирования умений и навыков анализа отдельных эпизодов, умения видеть в каждом фрагменте целого текста реализацию авторской позиции.

Роман Петра Храмова «Инок» − произведение, в котором поставлен целый ряд важных философских и нравственных проблем. Каждый читатель найдет в авторской исповеди то, что созвучно его душе, его опыту, его жизненным устремлениям.

В этом небольшом по объему произведении (256 страниц) описан целый пласт жизни послевоенного поколения, переданы

помыслы и чаяния простых людей через восприятие ребенка, «почти нестеровского отрока».

Данное произведение не программное, но сосредоточие проблем, поднимаемых автором на «страницу текста», настолько плотное, что этот роман возможно рекомендовать старшеклассникам не только для внеклассного чтения, но и для текстуального анализа непосредственно на уроках. Надо отметить, что отдельные главы и эпизоды настолько самодостаточны, что даже их выборочный анализ не нарушит цельности восприятия.

В романе щедро рассыпаны своеобразные «метки-ассоциации». Так можно условно назвать рассматриваемые автором проблемы − философские, социальные и нравственные, которые, тематически и проблемно соотносясь с другими произведениями, помогают школьникам в итоге аргументировать свою позицию.

Перечислим некоторые из них: красота окружающего мира, радость бытия, женственность, зарождение любви, вдохновение, воздействие искусства на человека, первая потеря в жизни, первое горе, детство, детское восприятие, мудрый и внимательный, понимающий и чуткий учитель, бюрократизм «столоначальников», уроки доброты, милосердие, чтение – как «самое важное из человеческих дел», нравственный выбор, нравственное падение, жестокость, отношение к братьям нашим меньшим и др.

«Метками-ассоциациями» в художественном произведении в первую очередь выступают ключевые слова. Алгоритм работы с текстом на первом этапе («берем на карандаш») в таком случае будет следующим: выделяем в тексте при прочтении ключевые слова, а также ассоциативно связанные с ними, синонимичные, однокоренные слова, которые соотносятся с идейно-эстетическим содержанием рассматриваемого текста (например, родной дом, город; бабушка, мать, отец; река как мера естества и

красоты, большой и красивый сад; тополь-друг, собака-друг; ложь, фальшь, стыд; труд; родственная душа, одиночество, скука; первое горе (срубили тополь), первая смерть (смерть дедушки).

Сопоставим несколько текстов, предлагаемых в рамках ЕГЭ с романом «Инок». Так текст из «Писем о добром и прекрасном» Д.С. Лихачева в полной мере «объясняет» жанр романа уфимского писателя: «Память – одно из важнейших свойств бытия, любого бытия: материального, духовного, человеческого… Это важнейший творческий процесс… Память противостоит уничтожающей силе времени… Без памяти нет совести. Вот почему так важно воспитываться в моральном климате памяти: памяти семейной, памяти народной, памяти культурной».

Эпизод с бабушкой в романе «Инок» («Я даже улыбнулся: там, в доме, у окошка, затянутого серой матовой изморозью, сидит бабушка в черном своем халатике, в пенсне и, сморщив губы, вышивает белые розы на белом покрывале, бессознательно радуясь своему таланту, теплой печке и тишине морозного дня. Я знал, а иногда и наблюдал, задремывая на печке, что бабушка любит помечтать в одиночестве, меняя выражение лица и что-то про себя нашептывая. Очевидно, вспоминала своего мужа, своих братьев-военных, счастливую свою молодость…») ассоциативно перекликается с рассказом М.А. Чванова «Высоко над рекой» о девяносточетырехлетнем, «с белой снежной бородой», «старике-татарине», абсолютно счастливом, потому что у него «все хорошо»: еда хорошая, жизнь хорошая, сыновья, зятья, дочери хорошие.

Незатейливая философия мудрого старика сводится к мысли о том, что жизнь прекрасна, хотя она как раз не была безмятежной: старик служил во Владивостоке, на Русском острове, был участником Первой Мировой войны, прошел коллективизацию, землю «свою пахал». Его жизнь прекрасна, потому что он «много пожил» и «больно доволен», потому что

«дети здоровые» и «земля хорошая у нас», а значит, «все хорошо».

Благодаря ключевым словам мы понимаем, что старик не только не одинок, но и живет в гармонии с самим с собой, воспринимая свои девяносто четыре года как великий жизненный дар.

Вспоминается и рассказ К. Паустовского «Телеграмма» об одинокой Катерине Ивановне, который ассоциативно отсылает к распространенному мнению о том, что одиночество и старость стали в нашей стране синонимами. Статистика, действительно, беспристрастна: в России очень много одиноких стариков. Причем большинство из них имеет и детей, и внуков, но все равно доживает свой век в одиночестве. Дети не хотят жить с родителями. Причин много, и иногда они достаточно уважительные. И все-таки – почему так происходит?

Эта проблема предлагается для размышления ученикам. Убедительными аргументами в данном случае могут стать образы храмовской бабушки, «твердой», «до странности доброй», являющей собой пример жизненной стойкости, мудрости, стержня семьи, и «розового и бодрого» чвановского старика, окруженного многочисленными любящими родственниками и оставляющего незатейливый рецепт счастья и долголетия.

Важным в романе П.А. Храмова является эпизод о лошадях, которые тащат связанные цепью бревна на лесопилке. Ключевые слова и фразы «надрывались», «били», «валились на бок в конвульсиях», «хрипели», «глаза… замирали в горестном и недвижном недоумении» ассоциативно отсылают к «Преступлению и наказанию» Ф.М. Достоевского (первый сон Раскольникова) и тексту про Маруську Ю. Нагибина, «прекрасную Лошадь», погубленную «не случайно, а сознательно».

В четвертой главе первой части романа эпизод с пленными не только перекликается с рассказом Ю. Бондарева «Женственность» (о женственности много пишет и П. Храмов), но и наводит на размышления о милосердии, о добром отношении к «поверженным».

В 12-14 главах первой части и первой главе второй части романа Петр Храмов пишет о школе: первые впечатления от школьной линейки «на громадном дворе», класс, уроки, игры на перемене, учительница, которая понимает, что для рассказчика «весь мир – живой, как один организм», первое письмо однокласснице…

Тематически эти строки соотносятся не только с текстом ЕГЭ (по Л. Стешовой), но и с темой детства, первых детских впечатлений в целом: «Удивительная пора – детство. Каким бы оно ни было бедным, всё равно представляется в зрелом возрасте как самое хорошее, светлое радостное время. Необорудованные бараки, в которых мы жили, запомнились тем, что, выходя из дверей, мы сразу оказывались на солнце, на воздухе, на земле… Не вспомню теперь имена наших педагогов, но прозвища некоторых, их манеру преподавания память сохранила… Каждое поколение торопит школьные годы. Торопит то, что невозвратно, что ничем восполнить нельзя. Школьные годы начинаешь ценить уже в зрелом возрасте, а пока бегаешь в школу, сидишь на уроках – все представляется довольно тяжёлой обязанностью».

Таким образом, роман Петра Храмова, сам по себе являясь арсеналом аргументов, благодаря присущей ему многоаспектности содержания ассоциативно, через ключевые слова-«метки» «притягивает» аргументы из других литературных произведений.

Роман «Инок» заставляет размышлять, переживать, удивляться. Любовь к Отечеству и Богу, мирозданию, чудесному миру детства, братьям нашим меньшим, к семье, людям – вот ключевые темы в творчестве писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова Е.С. Методика преподавания русского языка : коммуникативно-деятельностный подход. – М.: КНОРУС, 2007.

2. Прокофьева И.О. ЕГЭ по русскому языку: технология обучения сочинению-рассуждению: учебно-методическое пособие. – Уфа : Вагант, 2012.

3. Современная уфимская художественная проза (1992–2012) : хрестоматия / сост. : Прокофьева И.О., Федоров М.И. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2013.

4. Любовь Колоколова. – http://www.gorod-ufa.com.

Л. Н. Федорова

УРОК ЛИТЕРАТУРЫ В 11 КЛАССЕ ПО ТВОРЧЕСТВУ П.А. ХРАМОВА

Тема урока: «День Победы» (по роману П.А. Храмова «Инок»).

Цели урока:

– стимулировать интерес учащихся к чтению современной художественной литературы, в том числе и региональной.

– познакомить учащихся с творчеством уфимского писателя Петра Алексеевича Храмова;

– совершенствовать навыки анализа художественного текста (умения ставить проблемные вопросы, делать выводы, обобщения, определять авторскую позицию;

Оборудование:

Портрет П.А. Храмова, книжная выставка, электронная презентация.

Ход урока.

Организационный момент.

Подготовка учащихся к восприятию материала.

Слово учителя.

– Скажите, пожалуйста, кто из вас имеет представление о современной уфимской литературе?

– Назовите 1-2 имени уфимских писателей.

Работа с эпиграфом. На экране – его электронная презентация.

Учитель. Ребята! Прочитайте эпиграф, с обсуждения которого начнется наш урок.

Ученик читает: «Понять литературу, не зная мест, где она родилась, не менее трудно, чем понять чужую мысль, не зная языка, на котором она выражена». (Д. С. Лихачев).

Учитель. Как вы поняли это высказывание?

Мы не случайно начинаем разговор об уфимской литературе с эпиграфа Д.С. Лихачева. Местная литература отражает в себе динамику современной русской литературы. В современной уфимской литературе можно выделить такие темы, как военная, бытовая, историческая, городская и др. Уфимские писатели обращаются в своем творчестве к разным направлениям: реалистическому, постмодернистскому, фантастическому, детективному, автобиографическому, юмористическому и другим. Круг имен писателей уфимской литературы достаточно широк. Вот их имена.

На экран выводится список уфимских писателей.

П. Храмов (1939-1995гг.), родился в Уфе.

С. Круль (1953г.), живет в Уфе.

М. Чванов (1944г.) живет в Уфе.

К. Зиганшин (1950г.) живет в Уфе.

И. Фролов (1963г.) живет в Уфе.

В. Глуховцев (1963г.) живет в Уфе.

А. Яковлев (1970-2005гг.), родился и умер в Уфе.

Р. Шаяхметова – жила в Уфе.

С. Вахитов (1961г.), живет в Уфе.

Ю. Горюхин (1966г.), живет в Уфе.

В. Богданов (1973г.), живет в Уфе.

С. Чураева (1970г.), живет в Уфе.

А. Кудашев (1967г.), живет в Уфе.

Д. Лапицкий (1977г.), живет в Уфе.

И. Савельев (1983г.), живет в Уфе.

О. Елагина (1981г.) живет в Москве и Уфе.

М. Яковлев (1981г.) живет в Уфе.

Учитель. Ребята, на что вы обратили внимание, знакомясь с этим списком.

– Почти все писатели родились в Уфе, в городах Башкирии. И лишь несколько из них – за пределами нашей Республики.

Учитель. Сегодня мы будем говорить о романе-воспоминании Петра Алексеевича Храмова «Инок».

Сообщение ученика о жизни и творчестве писателя.

Учитель. Прежде чем начать анализ предложенной главы, послушаем историю создания романа «Инок».

Сообщение учащегося.

«Жизнь – это война с забвением…». Так начинается роман «Инок» уфимского писателя П.А. Храмова. Это произведение, относящееся к так называемой «возвращенной» литературе. Оно написано талантливым человеком, чей внутренний мир очень многогранен, разноцветен и ярок. Его книгу можно смело поставить в один ряд с автобиографической прозой, ставшей классикой: повестью С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука», повестью М. Карима «Долгое-долгое детство».

Учитель. В главе «День Победы» простой сюжет выводит на философские вопросы: «…мне казалось, что явится она (Победа) как-то особенно: сияющим днем – днем бело-лимонно-голубым с трепещущими знаменами.… Но случилось не так.…Зазвучало событие не бравой радостью воинской доблести, а тихой печалью осиротевшей души…». Как вы думаете, почему «День победы со слезами на глазах»? Какие чувства вызывает у читателя этот текст?

– Двойственные: грустные и радостные. Радость от того, что война закончилась, а грусть вызывает слово «похоронка».

Учитель. На какие образы вы обратили особое внимание?

– На главного героя – мальчика, чья душа очень тонко распознает и оценивает прекрасное и безобразное в этом мире.

Учитель. Как заканчивается глава? Прокомментируйте последние фразы.

– «…в сознании моем мелькали события великого дня… Я чувствовал, что в моей душе этот день – навеки».

Учитель. В чем смысл названия данной главы? Наша задача – дать ответ на этот вопрос. Он и станет темой урока, посвященного анализу главы «День Победы».

Учитель. Какова композиция текста? Составьте его план.

Учащиеся составляют план, обсуждают предложенные вопросы.

– О чем рассказывается в начале главы?

– Как автор описывает атмосферу, сложившуюся в праздничный день?

– Как каждый из героев переживает день Победы?

– Какой эпизод вас особенно взволновал?

– На чем сосредоточено внимание автора в конце главы?

– Почему этот день автор называет великим?

– В чем смысл упоминания о Сталине? Почему бабушка стояла перед его портретом?

Учитель. Маленький мальчик – главный герой произведения – тонко распознает происходящее. Его мир – это мир родного дома и целой России. Мальчик верит и чувствует, «что все мы – родные и близкие, братья и сестры, семья человеческая». История Отечества – это его история.

Домашнее задание: написать сочинение на тему: Каким выглядит день Победы в восприятии главного героя романа П.А. Храмова «Инок»?

IV

БИБЛИОГРАФИЯ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА П.А. ХРАМОВА

ХРАМОВ, Петр Алексеевич (1939-1995) – русский писатель, художник-монументалист. Сын уфимского художника А.В. Храмова. Учился в Московском государственном художественно-промышленном университете им. С.Г. Строганова. Работал художником-монументалистом в Уфе и других городах республики. Автор рассказов и стихов, оставшихся неопубликованными.

1. Храмов, П. Инок : [фрагменты романа] // Крещатик : международный литературный журнал. – 2003. – № 22 ; 2004. – № 23 ; то же: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kreschatik.kiev.ua.
2. Храмов, П. Инок : роман-воспоминание // Бельские просторы. – 2008. – № 9. – С. 11-44 ; № 10. – С. 24-52.
3. Храмов, П. Инок : роман. Ч. 2 // Бельские просторы. – 2009. – № 10. – С. 9-29 ; № 11. – С. 8-33.
4. Храмов, П. Инок : роман. Ч. 3 // Бельские просторы. – 2011. – № 1. – С. 34-76.
5. Храмов, П. А. Инок : роман / П. А. Храмов. – Уфа : Китап, 2012. – 256 с. : ил.
6. Храмов, П. Инок : отрывок из романа // Истоки. – Уфа, 2012. – № 19 (10 мая). – С. 8-9.
7. Храмов, П. Инок : (отрывки из романа) // Современная уфимская художественная проза (1992-2012) : хрестоматия / сост. И. О. Прокофьева, П. И. Федоров ; редкол.: Л. Н. Голайденко, И. О. Прокофьева ; М-во образования и науки РФ, Башк. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы. – Уфа, 2013. – С. 20-42 ; то же: Современная уфимская художественная проза (1992-2012) : хрестоматия / отв. ред. В. В. Борисова ; сост.: И. О. Прокофьева, П. И. Федоров. – Уфа, 2015. – С. 20-42.

8. Храмов, П. Инок : отрывок из романа // Бельские просторы. – 2015. - № 7. – С. 13-21.

* * *

9. Алмашева, Д. С. Образ Маши Мироновой в романе П. А. Храмова «Инок» // Литературная Rossica Башкортостана в XXI веке / отв. ред. В. В. Борисова ; Башк. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы. – Уфа, 2015. – Вып. 2. – С. 7-12.
10. Борисова, В. В. Роман П. А. Храмова «Инок» в контексте традиции Ф. М. Достоевского и русской классической литературы : опыт изучения // Литературная Rossica Башкортостана в XXI веке / отв. ред. и сост. В. В. Борисова ; М-во образования и науки РФ, Башк. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы. – Уфа, 2014. – С. 8-14.
11. Борисова, В. В. Роман П. А. Храмова «Инок» в региональном и классическом измерении русской литературы // Литературная Rossica Башкортостана в XXI веке / отв. ред. В. В. Борисова ; Башк. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы. – Уфа, 2015. – Вып. 2. – С. 19-28.
12. Борисова В.В. Роман П.А. Храмова «Инок» в контексте региональной и русской классичекой литературы // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 20126. Т. 148. № 18 (1). С. 77-84.
13. Гафурова, С. Иная реальность «Инока» : [о романе «Инок» и его авторе] // Истоки. – Уфа, 2012. – № 49 (5 дек.). – С. 4.
14. Глинский, В. Долгая дорога от инобытия к любви : [о романе П. Храмова «Инок»] // Истоки. – Уфа, 2012. – № 20 (16 мая). – С. 11.
15. Каким на самом деле был Петр Храмов, автор романа «Инок»? : [беседа журналистки С. Гафуровой с уфимским художником Н. Пахомовым] // Истоки. – Уфа, 2013. – № 31 (7 авг.). – С. 4, 13.
16. Михайлова, А. Г. Столкновение двух моделей этической нормы в изображении войны в романе П. Храмова «Инок» //

Система непрерывного педагогического образования: проблемы функционирования языков и литератур в полиэтническом Башкортостане : материалы региональной науч.-практ. конф., посвящ. Году Учителя и Республики Башкортостан / редкол.: Н. У. Халиуллина [и др.] ; Башк. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы. – Уфа, 2010. – Вып. 10. – С. 62-63.

17. Михайлова, А. Г. Этическая функция сакрально-богослужебной лексики в изображении войны в романе П. Храмова «Инок» // Инновационные потенциал молодежной науки : материалы респ. науч-практ. конф. 21 мая 2010 г. / под ред. А. Ф. Мустаева ; Башк. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы. – Уфа, 2010. – Т. 2. – С. 66-68.

18. О музыке и о жизни : [о выходе в издательстве «Китап» романа П. Храмова «Инок»] // Рампа. – Уфа, 2012. – № 4. – С. 3.

19. Петр Храмов: о времени и о себе : [о презентации кн. П. Храмова «Инок» в Национальной б-ке РБ им. А.-З. Валиди] // Рампа. – Уфа, 2012. – № 11. – С. 3.

20. Прокофьева, И. Инок : художественное своеобразие повести П. Храмова // Бельские просторы. – 2013. – № 12. – С. 163-168.

21. Спасенный шедевр : [о презентации кн. П. Храмова «Инок» в Национальной б-ке РБ им. А.-З. Валиди] / П. Федоров // Истоки. – Уфа, 2012. – № 45 (7 нояб.). – С. 2.

22. Тимирханов, В. Р. Эйдетика света в языковом пространстве уфимского романа П. Храмова "Инок" / В. Р. Тимирханов, А. Г. Михайлова // Слово на перекрестке языков и культур : межвуз. науч. сб. / отв. ред. Л. А. Сергеева ; Башк. гос. ун-т. – Уфа, 2011. – С. 125-128.

23. Федоров, П. Хрустальный крест : [о романе-воспоминании П. Храмова «Инок»] // Бельские просторы. – 2011. – № 1. – С. 83-88 ; то же: Литературная Rossica Башкортостана в XXI веке / отв. ред. и сост. В. В. Борисова ; М-во образования и науки РФ, Башк. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы. – Уфа, 2014. – С. 98-110.

24. Федорова, Л. Н. Урок литературы по творчеству П. А. Храмова // Литературная Rossica Башкортостана в XXI веке / отв. ред. и сост. В. В. Борисова ; М-во образования и науки РФ, Башк. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы. – Уфа, 2014. – С. 94-98.
25. Храмова, О. Художник, написавший книгу : воспоминания о П. А. Храмове // Истоки. – Уфа, 2015. - № 34 (26 авг.). – С. 12.
26. Ясенев, М. [Рец. на кн.: Храмов П. Инок / П. Храмов. – Уфа : Китап, 2012] // Бельские просторы. – 2012. - № 8. – С. 168.

П. И. Федоров

Литературная Rossica Башкортостана в XXI веке: роман П.А. Храмова «Инок»

Сдано в набор 18.11.2016.
Подписано в печать 18.11.2016.
Формат 60x84/16.
Усл. печ. листов 4,88.
Заказ № 773. Тираж 100 экз.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Печатный домъ».
Уфа, ул. Карла Маркса, 12, корпус 5/1.